Крижанич, Ю.

ПОВѢСТВОВАНІЕ

О

СИБИРИ.

ЛАТИНСКАЯ РУКОПИСЬ XVII СТОЛѢТІЯ,

ИЗДАННАЯ

СЪ РОССІЙСКИМЪ ПЕРЕВОДОМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

ГРИГОРІЕМЪ СПАССКИМЪ,

Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ Корреспондентомъ и разныхъ Ученыхъ Обществъ Членомъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1822.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи представлены были семь экземпляровъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Мая 30 дня 1822 года.

Цензоръ, Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ

Александръ Красовскій.

ЕЯ СІЯТЕЛЬСТВУ,

ГОСПОЖѢ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТШѢ И ОРДЕНА СВ. ЕКАТЕРИНЫ КАВАЛЕРСТВЕННОЙ ДАМѢ,

ГРАФИНѢ СОФЬѢ ВЛАДИМІРОВНѢ

СТРОГАНОВОЙ,

УРОЖДЕННОЙ КНЯЖНѢ ГОЛИЦЫНОЙ,

Милостивой Государынѣ,

усерднѣйшее приношеніе

отъ Издателя.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Между рѣдкими книгами и рукописями Императорской С. П. бургской Публичной Библіотеки (которыхъ описанїе и изслѣдованїе, совершаемое нынѣ попеченїемъ Начальства Библіотеки и трудами, отличныхъ по дарованїямъ и свѣдѣнїямъ мужей, посвятившихъ себя ея служенію, представятъ нѣкогда свѣту единственное въ своемъ родѣ и огромнѣйшее произведенїе учености и полезныхъ изысканій) хранятся двѣ рукописи на Латинскомъ языкѣ, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о Сибири. — Первая изъ собранїя Залускаго, подъ заглавїемъ: Relatio de Sibiria, qua continetur notitia dictæ provinciæ: et littoris Oceani Glacialis, et Orientalis; a portu S. Michaëlis Archangeli, usque ad Chinam, sive Catajum. Item de Calmucis Nomadibus: et quædam narratiunculæ: de gemmariorum, Metalliorum (metallariorum) et Alchimistarum fraudibus. Scripta anno 1681. Æternùm soli gloria tota Deo. T. e. Повѣствованїе о Сибири, содержащее въ себѣ свѣдѣнїе о сей странѣ и берегахъ Ледовитаго и Восточнаго Океана, отъ Архангельскаго порта даже до Хины или Китая. Сверхъ того нѣкоторыя извѣстїя о кочевыхъ Калмыкахъ и о обманахъ ювелировъ, рудоплавильщиковъ и Алхимистовъ. Писано 1681 года. Единому Богу слава во вѣки. Вторая изъ собранїя Дубровскаго, подъ заглавїемъ: Historia de Sibiria sive notitia Regnis (Regni) Sibiriæ et littoris Oceani Glacialis et Orientalis: idem (item) de Calmucis Nomadibus et nonnulæ narratiunculæ de gemmariorum, metallorum (metallariorum) et Alchimistarum fraudibus. Anonymi autographum circa anno (annum) MDCLXXX. T. e. Исторїя Сибири или извѣстїе о царствѣ Сибирскомъ и берегахъ Ледовитаго и Восточнаго Океана; тутъ же о кочевыхъ Калмыкахъ и нѣкоторыя свѣдѣнїя о обманахъ ювелировъ, рудоплавильщиковъ и Алхимистовъ. Безъименнаго сочинителя, около 1680 года.

Объ сїи рукописи совершенно между собою сходны и разнятся только въ томъ, что одна изъ нихъ писана старинным, но четкимъ и кра-

сивымъ почеркомъ; въ другой заглавїе писано самимъ Дубровскимъ, а прочее иной рукою новѣйшаго же времени. Сверхъ того къ послѣдней рукописи присовокуплены, не извѣстно кѣмъ, не многїя примѣчанїя и посвятительное письмо, которое, безъ сомнѣнїя, было и при первой, но оттуда вырѣзано, что доказываютъ остатки двухъ листовъ послѣ заглавїя, изъ которыхъ на одномъ могло быть оно написано. О слогѣ же обѣихъ сихъ рукописей должно сказать, что оной не вездѣ чистъ и ясенъ.

Древность первой рукописи и тщательность почерка, также многїя въ ней слова сокращенно или по чищенному написанныя, и повидимому замѣненныя другими, показываютъ, что она составляетъ или подлинникъ или по крайней мѣрѣ вѣрнѣйшїй списокъ. Изъ подписей на заглавномъ листѣ видно, что сїя рукопись принадлежала Смоленскому Епископу Котовичу, и Виленскому Миссїонерскому обществу (Domus Vilnensis congregationis missionis). Она писана въ четвертку на 64 страницахъ. Другая рукопись такого же формата, но въ ней 79 страницъ.

Получивъ дозволенїе отъ Начальства Императорской Публичной Библїотеки на изданїе въ свѣтъ одной изъ сихъ рукописей съ переводомъ, хотя при списыванїи и держался я наиболѣе, почитаемой мною подлинникомъ, но свѣрилъ съ нею и другую рукопись и внесъ въ списокъ свой, чего въ оной недостаетъ; что сохранено также мною и въ переводѣ, къ которому сверхъ того приобщены собственныя мои примѣчанїя. Для удержанїя въ семъ переводѣ, сколько возможно, оборотовъ и слога Лашинскаго подлинника, по необходимости должно было допустить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженїя, не совсемъ правильныя и свойственныя нашему нынѣшнему языку; но гораздо ближе подходящїя къ мыслямъ сочинителя.

Г. Спасскїй.

ПОСВЯТИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО СОЧИНИТЕЛЯ.

Ad Perillustrem ac Prænobilem Dominum, Hildebrandum ab Horn, Sacræ Regiæ Majestatis Daniæ Secretarium.

Præcipisti mihi Magnifice Horni Benefactor meus perpetuo colende et in precibus memorande: ut Tibi Sibiriæ (in qua 15 annis exulaui) descriptionem mitterem. Graue scelus admisero, si Tibi morem non gessero: cuius me inexplicabilem (inexpiabilem) profiteor debitorem. Tarditatem tamen mihi quæso ne imputes. Epistola enim tuæ Nobilitatis ipso Principum Apostolorum festo (anno 1680) Parisiis ad me data, huc quidem perlata fuit; sed Veredarii errore alio missa, et post magnam Europæ partem peragratam, iterum huc relata, mihi vix in fine Nouembris reddita fuit *). Sibiriam igitur Tibi Liberatori meo, non tam describo, quam delibo. Neque enim cum ibi essem, horum quidquam literis consignabam. Neque tango ea, quæ hactenus ab aliis prodita sunt: sed quæ ipsemet obseruabam, et debilis retinuit memoria. Reliquum est, vt Altissimum precor (quod quidem nullo die facere neglexi: ex quo Tuo et Illmi (Illustrissimi) Domini Friderici a Gabel Insulorum Fœrensium Præfecti, Hereditarii in Bavelsee, et Moerupgarde, Regiinuper Oratoris, Tuique et mei Benefactoris clementissime gratioso

*) Mosquam fuerat missa: et illinc a Præfecto Postæ, meo amico, irresigillata Vilnam remissa.

Знаменитѣйшему и высокородному Господину Гильдебранду фонъ Горну, Его Датскаго Величества Секретарю.

Вы приказали мнѣ достопочтенный Горнъ, всегдашній мой и незабвенный въ молитвахъ благодѣтель, чтобы я сообщилъ вамъ описаніе Сибири (въ которой проведены мною 15 лѣтъ въ ссылкѣ). Непослушаніе мое былобъ тяжкимъ преступленіемъ: потому что я никогда не въ состояніи буду возблагодарить васъ за ваши одолженія; но медленности прошу мнѣ не приписывать. Ибо письмо ваше посланное изъ Парижа въ самой Петровъ день (въ 680 году), хотя и было сюда доставлено; но ошибкою почталіона отправлено въ другое мѣсто и странствуя по многимъ краямъ Европы, возвращено опять сюда и отдано мнѣ въ концѣ уже Ноября *). И такъ я вамъ моему освободителю не столько описываю Сибирь, сколько поверхностно касаюсь оной; потому что я въ бытность мою тамъ никакихъ не велъ записокъ. Не касаюсь и того, что издано въ свѣтъ другими, а только что я самъ замѣтилъ и что въ слабой моей памяти сохранилось. Впрочемъ молю Всевышняго (чего правда я не упускалъ дѣлать съ тѣхъ поръ, какъ лишился удовольствія видѣть васъ и по-

*) Письмо сіе было отправлено въ Москву, а оттуда Почтмейстеромъ, моимъ пріятелемъ, неразпечатанное переслано въ Вильну.

aspectu gaudere desii) precor inquam Dnum (Dominum) : vt vos longæuos incolumesque seruet. Vale et crede me Perillustris ac Magnificæ Nobilitatis Tuæ vigilantissimum esse cultorem. Scripsit quem nosti.

чтеннѣйшаго господина Фридриха Габеля, начальника Ферерскихъ острововъ и вотчинника Бевельзейскаго и Мерупгардскаго, недавно наименованнаго Королевскимъ Посломъ, милостивѣйшаго твоего и моего благодѣтеля)—молю Господа, да сохранитъ васъ долголѣтными и здравыми. Прощайте и вѣрьте, что я остаюсь Вашего Высокородія усерднѣйшимъ почитателемъ. Писалъ извѣстный Вамъ.

HISTORIOLA DE SIBIRIA.

Sibiria est ultima ad solis ortum Scythiæ, et Moscici regni prouincia: Oceano orientati terminata, regno Sinensi contermina.

Qui Mosquâ proficiscuntur, post emensas quingentas leucas, perueniunt ad flumen Kamam, et ad oppidum dictum Salinæ Camenses. Ibi enim ex puteis profundissimis, hauritur aqua salsa: quæ ferreis infusa lacis, a fornace inferne succensa in salem excoquitur. Hic locus est Russiæ terminus, et Sibiriæ initium. A quo ad Austrum protenditur mons valde longus, sed haud admodum celsus: qui et Russiam a Sibiria, et Astrachaniam a Calmacia dirimit.

Ad huius montis orientale latus, situm est primum Sibiriæ oppidum Verchoturia, sic dictum a fonte Turæ fluminis, quod non procul inde scaturit et per idem flumen nauigatur usque ad alterum flumen maius Tobol: et ex hoc intratur, in tertium flumen maximum, cui nomen Irtiscus, ad oppidum Tobolinum, sic dictum, quod contra ostium Toboli in ortuali Irtisci ripa conditum sit. Numerantur autem a Verchoturia ad hunc locum leucæ fere centum.

A Tobolinô autem, ad usque Sibiriæ terminum, quot leucæ supersint, non ausim affirmare: existimo tamen ingens esse interuallum. Nam qui hiemali tempore Tobolinô Mosquam proficiscuntur, intra

ПОВѢСТВОВАНІЕ О СИБИРИ *).

Сибирь есть отдаленная страна, лежащая на востокъ отъ Скиѳіи и Московскаго Царства; она ограничивается восточнымъ Океаномъ и смежна съ Китайскимъ Государствомъ.

Отправляющіеся изъ Москвы, проѣхавъ пять сотъ миль, достигаютъ рѣки Камы и до города, называемаго Соликамскъ (1). Тамъ изъ глубочайшихъ колодезей черпаютъ соляную воду, которая будучи налита въ желѣзныя сковороды (цирены), изъ печи съ низу нагрѣваемыя, переваривается въ соль (2). Сіе мѣсто служитъ границею Россіи и началомъ Сибири. Оттуда на востокъ простирается очень длинной, но не слишкомъ высокой горный хребетъ, отдѣляющій Россію отъ Сибири и Астрахань отъ Калмыцкой земли (3).

Съ восточной стороны сего хребта находится первый Сибирской городъ Верхотурье, получившій названіе отъ верховья рѣки Туры, не далеко оттуда находящагося. По ней доплываютъ до другой, гораздо бо́льшей рѣки, Тобола, а изъ сей входятъ въ третью величайшую рѣку, называемую Иртышь и достигаютъ города Тобольска, такъ наименованнаго для того, что онъ построенъ противъ устья Тобола на восточномъ берегу Иртыша. Отъ Верхотурья же до сего мѣста считается около ста миль (4).

Но сколько миль отъ Тобольска до конца Сибири, того не смѣю утверждать:

*) Historiola собственно значитъ краткая повѣсть, какъ бы повѣствованьице, исторійка.

duodecim hebdomadas domos suas possunt reuisere, quamquam hoc iter tria Russicarum verstarum millia (siue sexcentas leucas) contineat. Qui autem Tobolinô in Daüriam ad ultimam munitionem, dictam Nercinum, proficiscuntur, non solent eadem hieme remeare·

Sibiria in Mosciæ Regum ditionem cessit hoc modo.

Inter plurimas, qui regis Ioannis Basilii tyrannidem deuitantes omnia latrociniis infestabant, fuit quidam pirata, nomine Iarmacus: qui in flumine Volga, et circa ripas, viatores spoliabat; sed cum inaudisset ualidam aduersum se militiæ manum appropinquare, relictis suis scaphis consurrexit cum sociis, et Orientem versus progressus est Cumque peruenissent ad oppidum Vicegdam, (ubi etiam, sicut ad Camam, sal excoquitur) reperunt ibi quemdam salis negotiatorem, hominem locupletem, cognomento Strogonem: cuius posteri etiamnum ibidem loci commanent, ampla possident prædia et magna tractant negotia. Verum nec ad militiam, nec ad curiam vocantur; sed contenti viuunt sua negotiatione, et privilegiis, quibus præ aliis negotiatoribus gauderint. Appellantur singulari titulo, *Imeniti liudi*: in supplicibus tamen ad Regem libellis, non se inscribunt, more nobilium, *cholop twoy*. Sed more oppidanorum, et Villanorum: *syrota twoy*: quod vocabulum tam significatu, quam etymologia equipollet voci Vassallus;

думаю однако же, что очень далеко; ибо отъѣзжающіе въ зимнее время изъ Тобольска въ Москву, могутъ возвратиться въ свои домы чрезъ двѣнадцать недѣль, хотя сей путь содержитъ неболѣе трехъ тысячъ Россійскихъ верстъ (или шести сотъ миль); отправляющіеся же изъ Тобольска въ Даурію, къ самой дальней крѣпости, именуемой Нерчинскою, ни когда въ ту же зиму назадъ не возвращаются (5).

Сибирь сдѣлалась подвластною Московскому Царю слѣдующимъ образомъ.

Въ числѣ многихъ, бѣжавшихъ отъ строгости Царя Іоанна Васильевича и производившихъ повсюду грабежи, находился нѣкоторой разбойникъ, по имени Ермакъ. Онъ грабилъ на рѣкѣ Волгѣ и около береговъ ея путешественниковъ: но когда услышалъ, что противъ него идетъ сильный отрядъ войска, то бросивъ свои лодки, ушелъ съ товарищами и направилъ путь свой къ востоку (6). Достигнувъ города Вычегды, (гдѣ также какъ и при Камѣ вываривается соль) нашли тамъ нѣкотораго солепромышленника, человѣка очень богатаго, по прозванію *Строганова*, коего потомки и донынѣ имѣютъ тутъ свое пребываніе, владѣя обширными помѣстьями и занимаясь важными промыслами. Они не несутъ ни военной, ни гражданской службы, но упражняются только въ торговлѣ, и по преимуществамъ, которыми пользуются передъ другими промышленниками, имѣютъ особой титулъ: *именитые люди*; однако же въ челобитныхъ, подаваемыхъ Царю, не подписываются, по обыкновенію благородныхъ, *холопъ твой*, но

significanti Orphanellum, siue Pupillum; et tamen hac voce Goti (gens Germanica) omnes summi et infimi, cum suos reges alloquerentur, semetipsas nuncupabant. Vt proinde nemo mirari debeat, si Moscorum Nobiles, se sui regis *Cholopos* nuncupant: cum per hanc vocem plus intelligant, quam per *Syrotam* siue Vassalum; hoc est non aliud, quam per *Slugam*. Sed ut ad Strogones reuertamur. Pendunt illi suo Regi amplum quotannis tributum, et in Regni statutis præcipua illorum ratio habetur: ut aliquoties nominati, et a nonnullis legibus exempti legantur. Quæ priuilegia id circo illis indulta sunt: quod ad Sibiriam acquirendam ipsi plurimum contulerunt.

Cum enim memoratus ille negotiator se a latronibus circumuentum vidisset, ex necessitate finxit liberalitatem: pollicebaturque se illis tunc, et in posterum, commeatum, arma, vestimenta, iumenta, et vehicula, abunde ministraturum, dummodo negotia ipsius, illi non interuerterent. Prædones accepta conditione et secundum pollicita, omnibus ad longum iter requisitis, liberaliter instructi, progressi sunt ad Sibiriam. Cumque peruenissent ad fluuium Tobolum (vere iam reuerso) scaphas sibi fabricauerunt (huius enim artificii non ignari sunt Cozaci) et trabis exustis, iumentisque trucidatis, secundo flumine Tobolo, in Irtiscum de-

какъ городскіе и сельскіе жители, *сирота твой*; каковое названіе болѣе по значенію, нежели по словопроизводству соотвѣтствуетъ слову *вассалъ* (данникъ), означающему сироту или малолѣтнаго. Впрочемъ Готы (народъ Германскій) высшаго и низшаго состоянія въ разговорахъ съ своими Королями называли себя симъ именемъ; а потому никто не долженъ удивляться, если Московскіе дворяне именовались холопами своего Царя, разумѣя подъ симъ словомъ болѣе значенія, нежели сирота или вассалъ, то есть они представляютъ себя не иначе какъ слугами. Но обратимся къ Строгановымъ. — Они ежегодно платятъ своему Царю значительную подать и въ Государственныхъ дѣлахъ оказывается имъ особенное уваженіе. Они изъяты также отъ нѣкоторыхъ повинностей (7). Сіи привиллеги предоставлены имъ потому, что они очень много способствовали пріобрѣтенію Сибири.

Вышепомянутый промышленникъ, увидѣвъ себя среди разбойниковъ, по необходимости прибѣгнулъ къ щедрости и обѣщался снабдить ихъ съ избыткомъ съѣстными припасами, оружіемъ, одеждою, *вьючнымъ скотомъ* и *повозками* и доставлять все сіе впредь, если только они не будутъ разорять его промысловъ. Разбойники заключивъ условіе, и по обѣщанію, бывъ достаточно удовольствованы всѣми потребностями для дальняго пути, *пошли* въ Сибирь (8). Когда прибыли къ рѣкѣ Тоболу (*конечно ужѣ по вскрытіи оной*), то построили себѣ лодки (ибо въ семъ ремеслѣ козаки были искусны), сожгли повозки и поби-

lati sunt: Moxque munitione erecta prædas de Tataris agebant, et si quos vivos cepissent, ad redemptionem cogebant. Illinc autem leucis sex distabat oppidum dictum Sibir, quod inhabitabat Tatarorum quidam regulus, nuncupatus Kuczùm. Ab hoc Tatari multories emissi cum Cozacis ad prælia deueniebant; sed propter horum arma igniuoma, semper fere illi victi recedebant: donec demum nimia Tatarorum multitudine superueniente, Iarmacus cum suorum parte, occubuit: residui autem Cozaci sese in munitionem receperunt. Confestim nuntium ablegant Mosquam, significantes: si Rex ipsis perpetratorum veniam daret, et oppartunum auxilium mitteret, se ei novum regnum acquisituros. Annuit ille postulatis, et prætorem illis cum armis, stipendiis et militum suppetiis ablegauit. Paulo post Regulus Kuczum e viuis excessit. Filius autem illius a Kozacorum prætore, quasi ad pacis tractanda fœdera euocatus, epulis exceptus, et inter pocula (quasi pro Moscorum Regis salute minus fideliter bibisset) trucidatus fuit. Oppidum autem Sibir a Moscis et Cozacis dirutum. Ab hoc igitur oppidulo, quod primum fuit acquisitum, Russi illas omnes prope et longe dissitas prouincias, Sibiriæ nomine nuncuparunt: quarum singulæ sua habent propria nomina, siue a flumine quo unaquæque irrigatur, siue a natione a qua incolitur. Mosci autem postmodum progredientes ad ortum, reliquas provincias omnes sui iuris fecerunt: erectis ad flumina passim munitionibus, impositisque præsidiis. Ultimum ad ortum est flumen Lena: a quo et oppidum et Prouincia

ли вьючнаго скота; по рѣкѣ Тоболу приплыли въ Иртышь (9). Тотчасъ построивъ себѣ остроги, производили грабежи у Татаръ, и если которыхъ захватывали въ плѣнъ живыхъ, тѣхъ принуждали къ выкупу. Въ шести миляхъ оттуда находился городъ называемый Сибирь, въ которомъ жилъ нѣкоторой Татарскій Князь по имени Кучумъ (10). Посыланные имъ нѣсколько разъ Татары вступали съ козаками въ сраженіе; но огнестрѣльнымъ оружіемъ сихъ послѣднихъ всегда почти были побѣждаемы, пока наконецъ Ермакъ съ нѣкоторою частію товарищей своихъ побиты были чрезвычайнымъ множествомъ Татаръ, безпрестанно скоплявшихся; а остальные козаки возвратились въ свои остроги. Они тотчасъ послали въ Москву вѣстника съ предложеніемъ, что если Царь проститъ преступленія ихъ и пришлетъ вскорѣ помощь, то они приобрѣтутъ ему новое Царство. Онъ согласился на сіе требованіе и прислалъ имъ начальника съ оружіемъ, провіантомъ и вспомогательнымъ войскомъ. Не много послѣ того спустя Князь Кучумъ умеръ; а сынъ его будучи приглашенъ начальникомъ козаковъ, будто бы для заключенія мирныхъ условій, во время пиршества былъ убитъ (подъ тѣмъ предлогомъ, что не съ надлежащимъ усердіемъ пилъ за здоровье Московскаго Царя) (11). Городъ же Сибирь Московитянами и козаками былъ разоренъ. И такъ Россіяне отъ сего городка, которой они прежде другихъ мѣстъ покорили, всѣ какъ окрестныя, такъ и отдаленныя страны наименовали Сибирью, изъ которыхъ каждая

nomen assumpsit. Illinc præstantiores sobolinæ, ac nigrarum vulpium pelles proueniunt. Vidi ipse hominem, qui primus supra Lenam munitionem extruxit, Prouinciamque illam suo Regi tributariam fecit.

Sibiria tribus constat climatibus, ab occasu ad ortum protensis. Clima primum Boreale, quod mari glaciali alluitur, nullarum terræ frugum neque olerum est ferax. Sobolorum tamen et nigrarum vulpium pelles illic proueniunt. Flumina quæ ab Austro ad Boream in mare exonerantur, ibi supra modum sunt piscosa.

Quo enim magis appropinquant mari, eo magis piscibus abundant. Incolæ nullo præterpisces et ceruinam carnem, cibi genere vescuntur. Neque alibi quam ad fluminum ripas habitant. Nullum cernitur domesticorum animalium genus; præter canes: quos trahis leuissimis iungere et in illis onera transuectare solent. Cerui sunt frequentes quorum pellibus Incolæ vestiuntur: hunc tractum Mosci non frequentes incolunt, exceptis oppidis, Bresouia, Turuchano, Lena et si quod est aliud; sed ex proximi climatis oppidis solent emitti milites, qui hic Regia tributa exigant. Hi solent miseros illos quibusdam munusculis demereri et ab illis vicissim sobolinarum pellium munera pro-

имѣла свое названіе или отъ рѣки, какая гдѣ протекаетъ, или отъ народа, какой гдѣ обитаетъ. Московитяне, простирая завоеванія далѣе къ востоку, покорили наконецъ подъ власть свою и всѣ прочія области. Самая отдаленная къ востоку рѣка есть Лена (12), отъ которой городъ и область получили свое названіе. Оттуда вывозятъ мѣха лучшихъ соболей и черныхъ лисицъ. Я самъ видѣлъ того человѣка, который первый построилъ на рѣкѣ Ленѣ городъ и сдѣлалъ тамошнюю область подвластною своему Царю.

Сибирь лежитъ въ трехъ климатахъ, простирающихся отъ запада къ востоку. Первый климатъ сѣверный, омываемый Ледовитымъ моремъ, не приноситъ никакихъ земныхъ плодовъ, ни овощей. Оттуда получаются однако же мѣха соболи и черныхъ лисицъ. Протекающія тамъ рѣки въ море отъ юга къ сѣверу, чрезвычайно изобилуютъ рыбою, по мѣрѣ приближенія своего къ устью. Жители не употребляютъ никакой пищи кромѣ рыбы и оленьяго мяса; а потому и обитаютъ только по берегамъ рѣкъ. У нихъ нѣтъ никакихъ домашнихъ животныхъ, кромѣ собакъ, которыхъ обыкновенно запрягаютъ въ легчайшія санки и перевозятъ на нихъ тяжести. Тамъ много оленей, которыхъ кожи употребляютъ жители на одежду. Въ сей странѣ мало Московитянъ, выключая городовъ Березовъ, Туруханскъ, Лену (Якутскъ?) и прочія мѣста. Для собиранія же податей посылаются солдаты изъ городовъ ближайшихъ климатовъ. Они обыкновенно снабжаютъ тамошнихъ бѣд-

se ipsis præter tributa accipere, offerunt illis aciculas, hamos, cultros, secures et alia. Decanis vero villarum (quos Knezios vocant) insuper præbent pultes edendas, quibus illi comestis putant se Sybaritarum epulis pastos esse. Est in illo tractu peninsula nomine Mangasia, eratque in illâ Moscicum præsidium, ad quod quot annis Tobolinô per Irtiscum, et Obiam mittebantur octo aut decem rotundæ naues, quas kocz vocant, cum commeatu et armis; verum quia bis terve naues illæ impegerunt in syrtes et hæserunt, vt commeatus aliaque onera ægre extracta in scaphis ad oppidum vix pertrahi potuerint: id circo munitio illo nuper destructa fuit, et præsidium alio deductum.

In hoc Boreali climate et in contiguo habitant varii populi, proprio quisque idiomate loquentes; videlicet: Vagulci, Ostiaci, Ziriani, Brâti, Daüri, et si qui sunt alii. Omnes autem sunt Idololatræ *). Idola ipsorum sunt trunci lignei secus vias defixi, quorum summitas aliquam humani capitis figuram referre videtur. Affigunt illis pelles sobolinas: quas si qui aliquando Mosci auferebant, non impune id eis cedebat. Mysthæ illorum nuncupantur Seitannici a Tataris, Samani a suis, et plerique sunt fatidici. Hos si quis e Rus-

*) Idola lignea, quæ viderunt illi Hollandi, qui transire volebant mare glaciale ad Chinam inter nouam Zemlam et istas Sibiriæ Regiones.

няковъ маловажными вещами и получаютъ отъ нихъ въ подарокъ собольи мѣха собственно для себя сверхъ подашей, предлагая имъ иголки, уды, ножи, топоры и другія вещи. Старшинамъ же селеній (которыхъ называютъ Князьями) доставляютъ они сверхъ того разные роды крупъ, которыхъ насытившись воображаютъ себя, какъ бы на пиршествѣ Сибаритовъ. Въ той же странѣ есть полуостровъ Мангазея, гдѣ былъ Московской гарнизонъ, для котораго ежегодно присылались изъ Тобольска по Иртышу и Оби, восемь или десять круглыхъ судовъ, называемыхъ кочами, съ провіантомъ и военными снарядами. Но какъ оныя два или три раза попадали на мели, и тамъ останавливались такъ, что провіантъ и другія тяжести едва могли быть выгружены и перевезены въ городъ: то крѣпость сія недавно разрушена и гарнизонъ выведенъ въ другое мѣсто (13).

Въ сѣверномъ климатѣ и смежномъ съ нимъ обитаютъ разные народы, говорящіе каждый собственнымъ нарѣчіемъ, какъ то: Вогуличи, Остяки, Зыряне, Буряты, Дауры и нѣкоторые другіе. Всѣ они суть идолопоклонники *). Кумиры ихъ не что иное, какъ деревянные чурбаны, поставленные при дорогахъ; верхняя ихъ часть по видимому представляетъ нѣкоторое подобіе человѣческой головы. Они навѣшиваютъ на нихъ собольи шкурки, которыя иногда Москвитяне похищали; но сіе безъ наказанія имъ не проходило. Жрецовъ ихъ Татары называютъ Шайманами, а сами

*) Деревянные кумиры видѣли Голландцы, предпринимавшіе путь Ледовитымъ моремъ, между Новою Землею и тѣми областями Сибири, въ Китай.

sis de rebus sibi euenturis, consulat: iubet Samanus se, ab illo qui consulit, sagitta vel framea transfigi per latera. Quod ubi factum fuerit, telum corpori infixum hæret: ille autem humum prolapsus, per horam cruciatur, ac spumat. Demum iubet ut telum extrahat is, qui infixit: neque enim alius potest, et sanguis quidem nullus apparet, nec cicatrix, telum autem feruidum fit ac si ex igne extractum fuisset. Tunc samanus solet multa futura prædicere.

Sed obseruatum fuit, illos, qui dictos hariolos consuluissent, nunquam post modum serio hilares visos fuisse, et infelici exitu terminasse vitam.

Alterum clima medium, prædicto contiguum, incolitur a Russis et Tataris. Oppida in eo sunt, Verchoturia, Tumenum (Tataricorum Regulorum olim sedes) Tara, Tobolinum Metropolis (ubi residet Episcopus Metropolitanus et Prætorum primas, qui reliquis Sibiriæ Prætoribus imperat) Tomium, Krasnoiarum, Kuzencii (*Kuznezkii*), Ienisseum, et alia in quibus præsident qua bini, qua singuli Prætores sev Palatini triennales (a Moscis Voienodæ nuncupati) cum militiis optime instructis. Tormenta igniuoma multa habent. In aliis autem munitionibus presidiorum præfecti resident. Hoc clima est frugum ferax: et agricultura in eo facillima. Solum enim nulla indiget fimi impinguatione. Rusticus equum leuissimo aratro iunctum propellit, et stiuas idem ipse dirigit, et hoc fere currendo peragit. Neque enim humum profundius ultra tres digi-

они Шаманами; многіе изъ нихъ суть вѣщуны. Если кто изъ Русскихъ пожелаетъ знать о будущемъ, то Шаманъ велитъ вопрошающему поразить его въ бокъ стрѣлою или копьемъ. По совершеніи сего вонзенное орудіе остается въ тѣлѣ, а онъ падаетъ на землю, мучится цѣлый часъ и изпускаетъ пѣну. Напослѣдокъ приказываетъ изторгнуть желѣзо тому, кто оное вонзилъ: ибо другой сего сдѣлать не можетъ, и не бываетъ видно ни крови, ни раны, а желѣзо дѣлается столь горячимъ, какъ будто бы извлечено изъ огня. Тогда Шаманъ обыкновенно предсказываетъ много будущаго. Замѣчено, что тѣ, которые у сихъ гадателей ворожились, не бываютъ послѣ того веселы, и оканчиваютъ свою жизнь несчастнымъ образомъ (14).

Другой, средній климатъ, смежный съ предъидущимъ, населенъ Русскими и Татарами. Въ немъ города: Верхотурье, Тюмень (древнее мѣстопребываніе Татарскихъ Князьковъ — Regulorum), Тара, Тобольскъ главный городъ (гдѣ имѣетъ пребываніе Митрополитъ и Губернаторъ начальствующій надъ прочими Сибирскими Губернаторами), Томскъ, Краснолрскъ, Кузнецкъ, Енисейскъ и другіе, въ которыхъ находятся въ иномъ два, а въ другомъ одинъ начальникъ или намѣстникъ, смѣняемые чрезъ три года (которыхъ Москвитяне, называютъ Воеводами) (15), съ воинскою командою превозходно вооруженною. Они имѣютъ много огнестрѣльнаго оружія. Въ другихъ же крѣпостяхъ находятся начальники гарнизоновъ. Сей климатъ плодоносенъ и къ земледѣлію удобенъ: ибо земля не требуетъ удобренія навозомъ. Поселянинъ

tos proscindit. Fæni quoque salcandi singularis est ibi modus. Falces habent nostratibus breuiores, et tenuiores, et manubrio recuruato in vtramque partem versatiles. Itaque falcator, nunquam gratis falcem mouet; sed ea tam dextrorsum, quam sinistrorum vibrata, vtroque ictu demetit herbam.

In huius et Borealis climatis confiniis arborum quædam nascitur, de genere picearum, procerissima, et rectissima, et quæ in trunci diametro quatuor palmos contineat. Cedrum vocant *), nec forsan falso, est enim ædificiis aptissima: et nuces fert affines illis, quas Pinisias vocant Itali (quanquam non oblongas) ex quibus oleum exprimunt. In hoc medio tractu, sobolinæ perpaucæ, harmelcinæ autem, vulpinæ, et alcinæ pelles proueniunt plurimæ. In occidentali autem plaga ad fines Astrachaniæ, reperitur quoddam falconum genus, quos Kreczetos vocant. Maiores sunt communibus falconibus, aspectu vivacissimi, et ad captandas aues præstantissimi. Hos venantur deputati Tatari: et quotquot contigerit per æstatem capi, hieme pro singulis Prætor præbet singulas vecturas: in quarum vnaquaque unus venator, cum sua volucre Mosquam pervehatur. Rex partem pro suo vsu retinet,

*) *Kidr* inueniuntur etiam in nostra Russia ad montem Karpatum similes piniolis, sed fructus parum minor.

запрягши въ легкую соху коня, погоняетъ его, а самъ въ тоже время держась за рукоятку управляетъ сохою, и сію работу отправляетъ почти бѣгомъ, вспахивая землю не глубже трехъ дюймовъ. (16). Сѣнокошеніе въ семъ краю также особеннаго рода: косы употребляются гораздо короче и тонѣе нашихъ и на изкривленной рукояткѣ обращаются на обѣ стороны; а потому сѣнокосецъ никогда не двигаетъ косы напрасно; но она будучи обращаема на право и на лѣво, сама коситъ траву (17).

Въ предѣлахъ сего и сѣвернаго климата произрастаетъ нѣкоторое дерево изъ рода сосенъ, высокое и прямое, которое въ поперечникѣ ния простирается до четырехъ четвертей. Называютъ его кедромъ *), и можетъ быть безъ ошибки: ибо очень годно на строеніе. На немъ родятся орѣхи, подобные орѣхамъ Италіанскаго кедра (хотя и непродолговатые); изъ нихъ выжимается масло (18). Въ сей средней области соболей очень не много; горностаевыхъ же, лисьихъ и лосинныхъ кожъ вывозятъ изъ оной довольно. Въ западной странѣ къ предѣламъ Астраханскимъ попадается нѣкоторой родъ соколовъ, называемыхъ кречетами. Они больше обыкновенныхъ соколовъ, одарены быстрымъ взоромъ и очень способны для птицеловства (19). Ихъ промышляютъ Татары, и сколько лѣтомъ удастся изловить, зимою Воевода даетъ для каждаго по одной повозкѣ, въ коихъ всякой ловчій съ своею птицею отправляется въ Москву. Царь оставляетъ ихъ нѣсколько для себя, а остальныхъ обыкновен-

*) Кедръ находится также и въ нашей Россіи въ горахъ Карпатскихъ, сходной по игламъ; но плодъ производящій нѣсколько меньше.

partem solet nomine muneris ad Persarum Regem mittere: a quo cum gratiarum actione suscipiuntur.

Itinerum duplex est ratio. Hieme proficiscuntur supra trahas, a canibus, sicut prædiximus tractas, sed ob difficultatem nemo hoc iter suscipit, nisi Prætorum vel Regii nuntii. Reliqui viatores, æstate sua itinera faciunt per aquas. A Verchoturia, secundo flumine Tura, Tobolo, et Irtisco, prope mare deferuntur in Obiam. Quo flumine aduerso intrant Tomum: et cum peruenerint ad quemdam Isthmum, siue exiguum terræ spatium, inter duo flumina (Tomum et Ienisseum) situm, ibi merces et nauigia, per terram raptata Ienisseio flumini important: quo secundo, ad eiusdem nominis oppidum appellunt, et sic ad reliqua. Hoc iter licet patiatur illud extrahendarum nauium incommodum, non tamen caret suis peculiaribus commodis: quia videlicet tum Marinorum, tum terrestrium periculorum (quæ a tempestatibus, piratis, bellis, et latronibus formidantur) est immune.

Tertium Sibiriæ clima efficiunt campi vastissimi, in quibus Calmaci Nomades sua armenta pascendo vagantur. Sunt autem hi populi diuersa natio a Tataris: cùm diuersa vtrisque sint linguarum idiomata et facies, et superstitiones. Nam Tatari sunt Mahometani, Calmaci autem Idolatræ esse videntur. Mysta simplex illis vocatur Mandza, Episcopus Laba, Patriarcha Kutuchta.

но отсылаетъ въ подарокъ къ Шаху Пе́рсидскому, которой ихъ принимаетъ съ благодарностію.

Сообщеніе путей тамъ двоякое. Зимою ѣздятъ на санкахъ, запряженныхъ, какъ выше я сказалъ, собаками; но по причинѣ неудобства никто на сію ѣзду не отваживается, опричь воеводскихъ или Царскихъ гонцовъ. Прочіе же люди совершаютъ путь въ лѣтнее время водою. Отъ Верхотурья по рѣкамъ Турѣ, Тоболу и Иртышу достигаютъ Оби и самаго моря. Въ верьхъ же по сей рѣкѣ входятъ въ Томь (Кеть) и когда доплывутъ къ нѣкоторому перешейку, или небольшому пространству земли между двумя рѣками (Томью (Кетью) и Енисеемъ), то перевозятъ сухопутно товары съ судами и плывутъ по рѣкѣ Енисею, которою достигаютъ до города того же имени, равно и до прочихъ мѣстъ. Хотя сей путь представляетъ неудобство въ сухопутной перевозкѣ судовъ; но имѣетъ и особенныя свои выгоды, будучи безопасенъ отъ водяныхъ и сухопутныхъ бѣдствій (каковыми угрожаютъ бури, война и разбойники) (20).

Трешій Сибирскій климатъ составляютъ необозримыя степи, на которыхъ кочующіе Калмыки пасутъ свои стада. Но сіи народы различнаго поколѣнія съ Татарами: ибо особенныя имѣютъ нарѣчіе, лица и обряды вѣры. Татары суть Магометане, Калмыки же по видимому идолопоклонники. Обыкновенный жрецъ называется у нихъ Мандза, старшій жрецъ Лаба, первосвященникъ или первенствующій жрецъ Кутухта (21).

In solennioribus sucrificiis, Mandza cataphractus, galeatus, arcumque cum sagittis gestans, peragit quosdam motus ac gestus, quasi a Furiis incitatus: vertit se in omnes partes: et huc atque illuc arcu intenso, sagittam, ad circumstantem spectatorum coronam collimat, omnesque terrore ac tremore replet. Tandem de repente sagittam eiaculatur, et si quem sauciat, aut occidit, ille beatus, esse creditur.

Во время торжественныхъ жертвоприношеній Мандза, одѣтый въ панцырь, имѣя на головѣ шлемъ, а въ рукахъ лукъ со стрѣлами, производитъ нѣкоторыя движенія и кривлянья, какъ будто мучимый Фуріями; оборачивается на всѣ стороны и направляя лукъ туда и сюда прицѣливается стрѣлою въ головы предстоящихъ, приводя всѣхъ въ ужасъ и содроганіе. Наконецъ вдругъ пускаетъ стрѣлу, и если кого поранитъ или убьетъ, того почитаютъ блаженнымъ (22).

Vtuntur Calmaci globulis precatoriis, adinstar nostratium Rosariorum: nisi quod numero a nostris differant, et omnes sint æquales: et quando recitant preces, ad singulos globulos dicunt, *Ommani Batmechum*, hoc est Kyrie eleison, et alia quædam verba addunt.

Калмыки употребляютъ молитвенные шарики, на подобіе нашихъ четокъ, кромѣ, что оныя числомъ разнятся отъ нашихъ и всѣ между собою одинаковы. Когда они молятся, то при каждомъ шарикѣ говорятъ: *омъ ма ни бадъ ме хомъ* (ommani batmechum) т. е. Господи помилуй, присоединяя къ тому и нѣкоторыя другія слова (23).

Singulis annis cum prima nix ceciderit, illam colligunt, liquefaciunt, et aquam illam ad expiationes per annum asseruant. Rationem sui facti reddunt: quia, inquiunt, aliquando: Deus hominibus de cœlo farinam pluebat, sed postmodum propter hominum scelera illud beneficium subtraxit. In huius igitur gratiæ et beneficii diuini memoriam, nos primam niuem asseruamus.

Они каждый годъ, какъ скоро выпадетъ первый снѣгъ, собираютъ его, растаиваютъ и сію воду хранятъ, для очищенія грѣховъ, чрезъ цѣлый годъ. Причиною таковаго обыкновенія поставляютъ то, что будто бы нѣкогда Богъ низпосылалъ людямъ съ неба муку и послѣ за беззаконія ихъ лишилъ сего благодѣянія; а потому, какъ говорятъ они, мы въ воспоминаніе сей милости и благодѣянія Божія сохраняемъ первый снѣгъ

In pileorum autem, summitate, singuli (quasi ex quadam lege aut religione) gestant floccum rubeum adinstar rosæ ex serico vel panno aliquo adsutum. Causam si quis quærat, respondent: Deum ali-

Каждый изъ нихъ (какъ будто по нѣкоторому закону или обряду вѣры) носитъ на головѣ красный пучокъ, на подобіе розы, сшитый изъ шелка или сукна. Если кто спроситъ ихъ о причи-

quando in terram descendisse; et homines ob peccata reprehendisse; et ab illis insanientibus vulneratum fuisse; vt sanguis copiosus defluueret. In diuini igitur sanguinis honorem, se signum illud rubrum in capititibus gestare profitentur.

Referam hic de quodam Calmaco historiolam, quam ab eximiæ auctoritatis et fidei viro teste oculato recitatam audiui. Cum enim quodam tempore ille ipse, qui hæc narrabat, a suo rege, ad quemdam Calmacorum Taisam, hoc est Ducem (in Casanensibus campis demorantem) legationem obiret: contigit vt narrabat, quemdam Calmacum ad ipsum venisse, et sacro baptismatis fonte ablui petiisse. Quærebat Orator: a quonam ille conversus aut quomodo persuasus hanc rem postularet Respondebat ille: se ignorare illud: nisi quod audiuisset: Christianos (qui baptisati sunt) solos saluari, ideoque supplicare, vt propter Deum se facerent Christianum. Orator igitur iussit illum a Presbytero, quem secum habebat, catechizatum baptizari: quo facto homo ille non exibat ex oratorio (hoc est ex tentorio, quod erat ad recitandas preces defixum) ibique assidue Deum precabatur: vix ad cibum sumendum exibat. Ita permansit in Oratione continua, donec post aliquos dies, ibidem eius corpus examine repertum fuit.

Alter huic similis casus contigit in Si-

нѣ сего обыкновенія, то они отвѣтствуютъ: нѣкогда Богъ низходилъ на землю, изобличалъ людей въ ихъ грѣхахъ, которые по безумію своему, такъ ранили его, что изъ раны истекло очень много крови; и потому красной знакъ сей носятъ они въ честь Божіей крови.

Я помѣщу здѣсь извѣстіе о нѣкоторомъ Калмыкѣ, слышанное мною отъ почтеннаго и достовѣрнаго мужа, бывшаго очевиднымъ тому свидѣтелемъ. Въ одно время, разсказывавшій сіе, отправленъ былъ отъ своего Царя въ посольство къ нѣкоторому Калмыцкому Тайшѣ, то есть Князю (имѣвшему пребываніе близъ Казани). Случилось, что пришелъ къ нему нѣкоторый Калмыкъ и просилъ святаго крещенія. Посланникъ спросилъ его: кѣмъ онъ былъ обращенъ или какимъ образомъ убѣжденъ къ принятію онаго. Калмыкъ отвѣтствовалъ, что ничего не знаетъ, а только слышалъ, что одни Христіяне (которые крещены), получаютъ спасеніе, и для того умоляетъ ради Бога учинить его Христіяниномъ. И такъ посланникъ приказалъ священнику, которой при немъ находился, обучивъ его Катихизису, окрестить. По совершеніи сего новокрещеный не отлучался изъ молитвеннаго дома (то есть изъ полатки, которая поставлена была для отправленія Богослуженія) и тамъ ревностно молился Богу, едва только выходя для принятія пищи. Такимъ образомъ упражнялся онъ въ непрестанномъ моленіи, пока спустя нѣсколько дней найденъ былъ тамъ мертвымъ.

Другой подобной сему случай произо-

biria. Presbyter quidam erat Ienisseii, nomine Demetrius, a natura abstemius et integerrimus vir, mihi familiariter notus: a cuius filio adolescente permodesto optimeque educato hæc audiebam. Haud procul, inquit, ab oppido Ienisseio habitabat quidam Scytha. Qui cum in Dominum saluatorem ac Deum nostrum Jesum Christum clam credidisset; decreuerat sacrum baptisma non sine familia expetere, sed per aliquot annos, ob uxoris obiurgationes, tam pium opus differebat. Demum quodam die, præsentiens quodammodo (licet bene valens) sibi de propinquo mortem imminere: iussit famulum, vnà secum, accepto reticulo, scapham conscendere, et in quamdam Ienisseii fluminis insulam traijcere, quasi piscaturus. Quo cum peruenisset, famulum misit ad oppidum, vt Presbyterum Demetrium enixe rogaret, quantocyus in insulam traijcere, quod haberet, ei rem quamdam necessariam dicere, quæ moram non pateretur. Presbyter appulit: Scytha baptizari postulauit. Cui respondit ille: non posse id illico fieri, sed opportere illum sex hebdomadis, de more catechizari. Subiunxit iste: Non ita pater; sed statim me baptiza: quia nunc sum moriturus. Sacerdos igitur illum sacro fonte abluit. Ille autem vix una hora superviuens exspirauit, Equum suum Presbytero legauit: et in oppido apud Ecclesiam tumulari petiit. Mox Presbyter accersitis ex oppido sociis, cadauer defuncti auexit, et terræ mandauit.

шелъ въ Сибири. Въ Енисейскѣ былъ нѣкоторой священникъ, именемъ Димитрій, мужъ отъ природы воздержный и очень честный, съ которымъ я былъ коротко знакомъ, и отъ сына его, скромнаго и хорошо воспитаннаго юноши, о семъ слышалъ. Не далеко отъ Енисейска, сказывалъ онъ, жилъ одинъ Татаринъ, который увѣровавъ въ Господа Спасителя и Бога нашего Іисуса Христа, рѣшился принять святое крещеніе со всѣмъ семействомъ; но по причинѣ укоризнъ отъ жены нѣсколько лѣтъ отлагалъ столь благочестивое дѣло. Наконецъ въ нѣкоторый день, предчувствуя какимъ-то образомъ (хотя былъ и совершенно здоровъ) скорое приближеніе смерти; велѣлъ прислужнику, взявъ небольшую сѣть плыть съ нимъ въ лодкѣ на одинъ островъ рѣки Енисея, какъ будто бы для рыбной ловли. Коль скоро туда достигли, то послалъ онъ прислужника своего въ городъ, униженно просить священника Димитрія, какъ можно скорѣе прибыть къ нему на островъ, которому намѣренъ онъ сообщить о нѣкоемъ важномъ дѣлѣ, нетерпящемъ медленности. Священникъ прибылъ; Татаринъ требовалъ окрестить себя. Онъ отвѣтствовалъ, что сего не возможно тамъ исполнить и что должно напередъ обучаться шесть недѣль закону Божію. Татаринъ присовокупилъ: нѣтъ отецъ! сей часъ окрести меня: поелику я нынѣ же умру. И такъ священникъ окрестилъ его, а онъ проживъ не болѣе одного часа испустилъ духъ. Коня своего отказалъ священнику, и просилъ себя похоронить возлѣ церкви. Священникъ не-

Calmacorum campus extenditur Astrahaniæ finibus vsque ad Cataium, aliquot hebdomadarum itinere vix permeabilis; sed totus sterilis: quia solum arenosum est, et salsum. Abundat enim lacubus; quorum aqua per æstatem iuxta littora, in salem condensari solet *). Herba crescit quidem, sed humilis; arbores autem, non nisi secus fluminum ripas cernuntur. Oues ipsorum maiores sunt nostratibus: caudas habent pingues, quarum una duas, tresue libras adipis continet. Sed lana illarum est nimis crassa. Salem, quo abundant Calmaci spernunt, nec ad omnem cibum adhibent, exceptis illis, quæ asseruata, alioquin computrescerent.

Flumina quidem complura ab ipsis defluunt in Sibiriam, sed non sunt ibi tam piscosa, vt hic. Præterea cum lino, et per consequens careant retibus, haud multum piscationi intendunt. Ob eandem lini inopiam non possunt sibi conficere Tentoria nostratibus similia: sed pilos vaccarum condensant in quemdam quasi pannum crassum, quod Italis Feltrum dicitur, et illo, circa Contos humi defixos, circumligato, formant sibi tuguria, quæ Kibit vocant. Manent in vno loco; quoad iumentis pascua suppetunt. Deinde consumatis omnibus pellunt greges alió. Æstate pascunt in parte australi, appropinquando Bucharis, Mungalis et Sinis:

*) Sunt similes lacus in Crimea.

медленно призвавъ изъ города его товарищей, перевезъ тѣло усопшаго и предалъ землѣ.

Калмыцкія степи простираются отъ предѣловъ Астрахани даже до Китая. Въ нѣсколько недѣль едва можно ихъ переѣхать. Всѣ вообще безплодны: ибо почва земли песчаная и соляными изобилующая озерами, коихъ вода около береговъ обыкновенно сгущается въ соль *). Правда что растетъ тамъ трава, но низкая; а деревьевъ нигдѣ нѣтъ, кромѣ какъ по берегамъ рѣкъ. Овцы ихъ больше нашихъ: хвосты имѣютъ жирные, изъ коихъ одинъ по два и по три фунта жиру въ себѣ содержитъ. Но шерсть ихъ очень груба. Соль, которою Калмыцкая страна изобилуетъ, въ небреженіи у нихъ, и не во всякую пищу употребляется, кромѣ той, которая будучи сберегаема, испортилась бы безъ соли.

Хотя оттуда вытекаютъ въ Сибирь многія рѣки; но оныя тамъ не столь изобильны рыбою, какъ здѣсь. Сверхъ того Калмыки не имѣя льну, а слѣдовательно сѣтей, не много и занимаются рыболовствомъ. По причинѣ того же недостатка во льнѣ, они не могутъ дѣлать для себя полатокъ, подобныхъ нашимъ; но сваливаютъ коровью шерсть на образецъ нѣкотораго толстаго сукна, которое Италіанцы называютъ войлокомъ, и оное привязывая около кольевъ, воткнутыхъ въ землю, дѣлаютъ себѣ шалаши, называемые кибитками. Они дотолѣ пребываютъ на одномъ мѣстѣ, пока достаточно корма для ихъ

*) Подобныя озера находятся въ Крыму.

autumno autem petunt loca Sibiriæ propinquiora, ob lignorum copiam. Hinc quidam Taisæ (et me quidem ibi præsente duo) vt possent in finitimis illis, et dubii iuris terris pacifice commorari pacti sunt Domino Moscorum Regi tributum pendere. Fænum nullum præparant: sed pecora ipsorum coguntur hieme virgultis pasci, iumenta autem rumpendo virgulta et niuem huc atque illuc disijciendo, miseram herbam quærunt.

Quod vero ad militiam attinet, procedunt ad prælia optime armati: hoc est galeati, hastati, et squamatis thoracibus cataphracti. Vtuntur sagittis, et frameis, sed breuioribus, præ nostratibus, et non curuatis. Sicas quis dixerit Romanorum; ipsi sulimas vocant.

Natio est populosissima: vt putetur Scythis ipsis, seu Tataris, haud cedere multitudine. Obseruatum autem est a Moscis, eo tempore quo Sibiria subacta fuit, Calmacos aut paucos fuisse, aut non admodum celebres. Vnum aliquem Taisam seu Ducem habebant. Postmodum vero in eam multitudinem excreuerunt, quæ vix æstimari possit. Idcirco sicut Lipsius de Iudæis admiratur, quidnam de illis faciendum Diuina prouidentia statuerit: ita dehac quoque natione nonnulli cogitabant (sed aliam ob causam) quidnam ab illis ex arcano Dei decreto, nobis expectandum sit. Notum enim est: obscuras quasdam nationes, Gotos, Vandalos, Herulos,

скота. Напослѣдокъ склавшись, гоняютъ стада свои въ другое мѣсто. Лѣтомъ они пасутъ ихъ въ южной странѣ, приближаясь къ Бухарцамъ, Монголамъ и Китайцамъ, осенью же удаляются въ ближайшія къ Сибири мѣста, по изобилію тамъ въ дровахъ. Нынѣ нѣкоторые Тайши (и даже въ бытность мою тамъ двое), для спокойнаго пребыванія въ оныхъ неизмѣримыхъ и не совсемъ принадлежащихъ имъ земляхъ, обязались Государю Московскому Царю платить дань. Сѣна они не заготовляютъ; но скотъ ихъ зимою довольствуется кустарниками, обрывая вѣтви, и разгребая снѣгъ ищетъ травы.

Что же касается до войны, то они идутъ на сраженіе вооруженные, какъ то въ шлемахъ, съ копьями и въ чешуйчатыхъ панцыряхъ. Они употребляютъ стрѣлы и сабли, но короче нашихъ и незакривленныя. Оружіе которое Римляне именовали кинжалами, они называютъ сулимами.

Сей народъ есть многолюднѣйшій и кажется почти не уступаетъ въ томъ самымъ Скиѳамъ или Татарамъ Но Москвитяне замѣтили, что во время покоренія Сибири Калмыковъ было не много и они были не очень славны. Они имѣли тогда одного только Тайшу или Князя, а послѣ такъ размножились, что едва можно ихъ изчислить. Для того, какъ Липсій (24) съ удивленіемъ говоритъ объ Іудеяхъ, въ разсужденіи того, какую участь предъопредѣлило имъ Божіе провидѣніе, такъ нѣкоторые думали и о семъ народѣ (но по другой причинѣ), чего намъ должно отъ него ожидать по неизповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ. Ибо

Sclauinos, Hunnos, Saracenos, Tataros, Turcos, et alios, ad exigendas ab aliis populis scelerum pœnas diuinitus haud semel fuisse immissos. Auctoritatis summæ vir, Morozius Boris, procerum Moscicorum primas, ex me quærebat: num auditu aut lectu percepissem famam, de Altin Tzar, Kon Taisa, Ablaj Taisa, Vezurta Taisa, et de aliis Calmacorum, tum antiquioribus, tum viuentibus Taisis siue Ducibus. Dicebam, mihi nomina illa eatenus inaudita fuisse. Ille vero mirabatur, si ab historicis Europæis (quorum me putabat esse peritum) tam numerosa ac bellicosa natio silentio fuisset prætérita.

Olim vt diximus, Calmaci vnum habebant Principem; nunc habent plures: quos vocant Taisas: quique numerosos ducunt exercitus; et inter se interdum bella gerunt. Cum Moscis autem omnes Taisæ bonæ vicinitatis iura seruant: dummodo ipsorum legati, benigne tractentur; quod et præstari solet a Moscis diligenter: ne multum constet. Cum enim aliquis Calmacorum legatus Tobolinum aduenit; non admittitur ad prætoris præsentiam (nisi veniat a magno siue Primario Taisa), sed in suburbio assignatur ei diuersorium: et emittitur vnus Secretarius, qui eius propositionem percipiat. Solent autem hi legati non aliam sui adventus causam proponere, nisi vt intelligant de salute serenissimi Domini Moscorum Regis, et vt significent Dominum suum Taisam bene valere: et esse promptum ad Regiæ Maiestatis Mosciæ Ser-

извѣстно, что нѣкоторые незнатные народы: Готы, Вандалы, Герулы, Славяне, Гунны, Сарацины, Татары, Турки, и прочіе неоднократно отъ Бога были посылаемы для наказанія другихъ народовъ за беззаконія. Почтеннѣйшій мужъ Борисъ Морозовъ (25), первый Московской вельможа, спрашивалъ меня: не имѣю ли я свѣдѣнія, по слухамъ или изъ чтенія о Царѣ Алтынѣ, Хонтайшѣ, Аблаѣ Тайшѣ, Везуртѣ Тайшѣ и о другихъ Калмыцкихъ какъ древнѣйшихъ, такъ и въ живыхъ находящихся Тайшахъ или Князьяхъ. Я сказалъ, что не слыхалъ объ именахъ ихъ: онъ же удивлялся, что Европейскіе Историки (о которыхъ онъ почиталъ меня свѣдущимъ) умолчали о столь многочисленномъ и воинственномъ народѣ.

Прежде, какъ я выше сказалъ, Калмыки имѣли одного Князя, нынѣ же имѣютъ многихъ, которыхъ называютъ Тайшами. Они предводительствуютъ многочисленными войсками и притомъ ведутъ междуусобную войну. Съ Москвитянами же всѣ Тайши наблюдаютъ права добраго сосѣдства, если съ посланниками ихъ обходятся благосклонно; что обыкновенно Москвитяне тщательно и исполняютъ, чтобы ето не дорого стоило. Ибо по пріѣздѣ въ Тобольскъ какого нибудь Калмыцкаго посланника, не допускаютъ его видѣться лично съ Воеводою (если онъ присланъ не отъ знатнаго или первостатейнаго Тайши); но въ предмѣстіи города отводятъ ему постоялой дворъ и посылаютъ къ нему одного секретаря, который принимаетъ его предложеніе. Сіи посланники представляютъ обыкновенно не другую при-

uitia, cum tota sua militia, quandocunque et quocunque ire ac militare iubeatur. Tunc legatus tractatur variis potionibus: et præbentur ei cibaria quotidie liberaliter: et in discessu donantur ei duo tresve textus panni communis; et pro Taisa datur pannus præstantior. Legati autem illi, eo quod liberaliter tractentur, integris annis ibi hærere solent, licet nihil habeant, quod agant. Nonnulli tamen, qui petunt et digni esse videntur. Mosquam peruehuntur: unde cum muneribus præstantioribus solent reuerti.

Exemplum fidelitatis Calmacorum insigne vidi. Cum enim Prætor Petrus Gadunius (volens suo Regi singulare quoddam fidelitatis ac solertiæ præbere specimen) aliquot Mercatores ac milites ablegasset in Cataium cum mercibus Sibiriensibus ibi commutandis: cumque peracto suo negotio Muros Sinenses egressi essent, inaudiuerunt Calmacos intestino bello confligere. Idcirco iuxta muros dictos substiterunt, donec tutum redeundi tempus eis adueniret. Hærebant ita bimestri circiter. Cum autem id intellexisset Taisa Selengensis (hoc est, qui circa ripas Selengæ fluminis habitat), aduenit cum sua militia ad mercatores illos timore correptos: secumque illos assumptos, vsque

чину своего прибытія, какъ только, чтобы узнать о здравіи пресвѣтлѣйшаго Государя Московскаго Царя и донести, что его Государь Тайша здравствуетъ и готовъ ко услугамъ его Московскаго Царскаго Величества, равно и идти воевать со всѣмъ своимъ войскомъ, когда только и въ какое мѣсто повелѣно будетъ. Тогда посланнику угождаютъ различнымъ образомъ: доставляютъ ему ежедневно въ избыткѣ съѣстные припасы и при отъѣздѣ дарятъ два или три куска обыкновеннаго сукна, а Тайшѣ посылаютъ самаго лучшаго сукна. Посланники сіи по такому хорошему съ ними обращенію, проживаютъ тамъ обыкновенно цѣлые годы, хотя бы и никакого не имѣли дѣла. Нѣкоторыхъ изъ нихъ по собственному желанію, и если признаются достойными, отправляютъ въ Москву, откуда возвращаются они съ наилучшими подарками.

Я видѣлъ особенный примѣръ вѣрности Калмыцкой. Когда Воевода Петръ Годуновъ (желая доказать своему Царю отличную преданность и усердіе), послалъ въ Китай нѣсколько купцовъ и служащихъ съ Сибирскими товарами, для обмѣна оныхъ на тамошніе товары, и они окончивъ свою торговлю, вышли изъ Китайскихъ стѣнъ, и услышавъ, что между Калмыками происходитъ жестокая война, остановились подлѣ стѣнъ, во ожиданіи безопасности для ихъ возвращенія, гдѣ и промедлили около двухъ мѣсяцевъ. Въ то время Селенгинскій Тайша (то есть кочевавшій близь береговъ Селенги), узнавъ о семъ пришелъ къ купцамъ, чрезвычайно устрашеннымъ, со своимъ

ad Moscicæ ditionis oppidum Ienisseium adduxit: præbitis equis et camelis ad onera transportanda. Misit cum illis suum legatum, qui declararet se esse promptum omni tempore Moscicis siue legatis, siue negotiatoribus in Cataium pergentibus præbere iumenta quotquot postulauerint, et suam militiam ad custodiam. Ita igitur omnes Taisæ amicitiam cum Moscis colunt. Reperiuntur tamen nonnulli prædones qui nulli Taisæ obtemperant: et hi interdum Moscis faciunt negotium: præsertim circa oppidum Taram es Krasnoiarum, tempore messis deprædando ac captiuando agricolas.

Prætor Tobolensis quotannis aduerso Irtisco emittit classem quadraginta et plurium nauium veliferarum in Calmaciam ad lacum salsum, qui flumini est propinquior. Iter absoluitur quadrimestri, ibi præstolatur (quadrimestri) aliquis Taisa (Ancian vocabatur nuper) cum suo Vlusio sive Tribu sibi subdito. Quod enim Tataris Orda hoc Calmacis Vlus dicitur. Mosci quam primum appelunt, explosis iterumque repletis tormentis, fistulisque manualibus exscendunt, Taisam salutant, et datis acceptisque obsidibus exstruunt eodem die in littore munitionem, ex qua adductis tormentis se contra perfidiam defendere possint. Sale de lacu collecto nauigia onerant. Merces commutant, non vendunt: neque enim in nundinis illis est vsus pecuniæ. Mosci advectant merces omnis generis. Calmuci offerunt pecora,

войскомъ, и взявъ ихъ съ собою, проводилъ до города Московскаго владѣнія Енисейска, давъ имъ лошадей и верблюдовъ для перевозки тяжестей. Онъ отправилъ также съ ними и посланника своего съ предложеніемъ, что готовъ во всякое время снабжать пословъ и купцовъ Московскихъ, проѣзжающихъ въ Китай какъ лошадьми, сколько они потребуютъ, такъ и воинскою командою для охраненія ихъ. Такимъ образомъ всѣ Тайши сохраняли дружбу съ Москвитянами. Однако же находятся нѣкоторые разбойники, неподвластные никакому Тайшѣ, которые причиняютъ Москвитянамъ обиды, особливо живущимъ близь городовъ Тары и Красноярска во время жатвы, производя грабежъ и увозя съ собою рабочихъ людей.

Тобольской Воевода ежегодно посылаетъ караванъ, состоящій изъ сорока и болѣе судовъ съ парусами, въ верьхъ по Иртышу въ Калмыцкую землю къ соляному озеру, ближайшему къ той рѣкѣ (26). Оной достигаетъ туда въ четыре мѣсяца, гдѣ ожидаетъ его нѣкоторой Тайша (коего прежде называли Анціаномъ) съ своимъ улусомъ или подвластнымъ ему народомъ. Ибо что у Татаръ называется ордою, то у Калмыковъ улусомъ. Какъ скоро Москвитяне туда пріѣдутъ, то выпаливъ изъ пушекъ и опять зарядивъ ихъ и играя на флейтахъ, привѣтствуютъ Тайшу; а по взятіи съ обѣихъ сторонъ заложниковъ, въ тотъ же день выстраиваютъ на берегу небольшую крѣпостцу, изъ которой бы привезенными пушками могли защищаться въ случаѣ вѣроломнаго нападенія. Добывъ изъ

iumenta et melotas suas, et Cataiense Tabacum. Vendunt etiam seruos, ancillas, agnatos et liberos proprios. Qui si tristentur, dicunt ad illos: vade miser hilariter, quia melius tibi ibi erit: non enim ita famem patieris, sicut apud nos pateris. Itaque nullus est in Sibiria alicuius facultatis vir, qui non vnum vel plures Calmacos seruos ancillasque habeat. Demum oneratis sale nauibus, et nundinis peractis, obsides utrinque recipiuntur, et Mosci datis Taisæ munisculis, explosisque tormentis, a littore soluunt.

Adesse autem solent semper in eodem mercatu Bucharorum negotiatores: qui eo loco nihil negotiantur; sed cum mercibus suis in Moscorum classe, Tobolinum deuehuntur. Sunt autem Buchari natio, non tam barbara ut Tatari, licet linguâ utantur Scythicâ, et Mahometanæ sint superstitioni addicti. Statura sunt procerâ, ac facie venustâ. Bellis, prædis et latrociniis haud gaudent, sed agriculturæ et mercaturæ student. Habitant in muratis oppidis et regem habent proprium. Verumtamen quia minûs bellicosi sunt, coguntur Calmacis tributum pendere. Ut se à vexatione redimant. Horum negotiatores frequentant Cataium: et illinc

озера соль, нагружаютъ ею суда. Товары свои они мѣняютъ, а непродаютъ; ибо тамъ на ярмонкахъ деньги не бываютъ въ оборотѣ. Москвитяне привозятъ туда товары всякаго рода. Калмыки пригоняютъ рогатой скотъ, лошадей и привозятъ сладости и Китайской табакъ. Они продаютъ также слугъ, служанокъ, родственниковъ и собственныхъ своихъ дѣтей. Если которые изъ нихъ опечалятся, то они говорятъ имъ: ступай бѣдняжка съ радостью, потому что тебѣ тамъ будетъ лучше; ты не будешь терпѣть такого голода, какой у насъ терпишь. И потому въ Сибири нѣтъ ни одного человѣка, съ состояніемъ, которой бы не имѣлъ у себя одного или многихъ слугъ и служанокъ изъ Калмыковъ (27). Наконецъ нагрузивъ суда солью и окончивъ торги, размѣниваются взаимными заложниками и Москвитяне сдѣлавъ Тайшѣ небольшіе подарки и выпаливъ изъ пушекъ отваливаютъ отъ берега.

Хотя и Бухарскіе купцы занимаются такою же торговлею, но въ томъ мѣстѣ оной не производятъ, а отправляются въ Тобольскъ съ своими товарами на караванѣ Москвитянъ. Бухарцы суть народъ не столь варварской, какъ Татары, однако же говорятъ нарѣчіемъ Скиѳскимъ и держатся Магометанскаго изповѣданія. Они высоки ростомъ и пригожи лицемъ. Войнами, грабежами и разбоями не занимаются, а привержены къ земледѣлію и торговлѣ, живутъ въ каменныхъ городахъ и имѣютъ своего Царя. Поелику же они не слишкомъ воинственны, то принуждены бываютъ платить Калмыкамъ дань, чтобы избавиться отъ

hieme supra camelos, æstate autem in nauibus (sicut prædiximus) aduectant merces suas Tobolinum: scilicet Gossipium, et Pannos Gossipinos variis coloribus tinctos, quos Mosci Kitaicas vocant. Aduectant et Cinamonum, sed crassum et vile, et genus quoddam aromatis, dictum Badian quod in Sibiria paucos ante annos innotuit. Usum illius Moscialium nesciunt, nisi ut aquam vitæ illo condiant: quæ exinde fit dulcis, quasi sacharo condita esset. Quidam autem curiosus, enixiùs illud probare conatus est: et affirmabat, sibi videri idoneum ad potum ægrotantibus (loco usitati decocti hordeaci) porrigendam. Vim enim exhilarandi illud habere docebet; et Turcicum Kaue, Sinensemque Ciaj iidem negotiatores aduectant: quod quidem eundem usum præstat, quem Kaue, sed diuersa est planta. Aduectant et Tabacum Cataiensem, adeo subtiliter concisum, ut cum capillis humanis subtilitate certet. Multi ob subtilitatem non credebant esse Tabacum, donec Russi negotiatores constanter affirmarunt se oculis inspexisse, ubi Cataiensis Tabaci folia ad illum modum concidebant. Est autem idem Tabacus coloribus, fusco, flauo, et viridi tinctus. Fuscus suauissimum exhalat odorem: et ad inebriandum fortior est reliquis: ut qui cupidi debiliores sunt, ab illo abstinere cogantur. Maceratur autem, ut referunt, in sachari fecibus. Solent Cataienses, et ab illis edocti Russi, miro modo, Tabaci fumo se inebriare: ex quo concidunt, et quasi energameni tremunt. Multi illo modo inebriati animas exhalarunt. Cataienses tamen, multis exemplis eruditi, tali periculo carent.

притѣсненія ихъ. Купцы ихъ часто ѣздятъ въ Китай и отттуда привозятъ въ Тобольскъ зимою на верблюдахъ, а лѣтомъ (какъ я уже сказалъ) на судахъ свои товары какъ то: хлопчатую бумагу и бумажныя разноцвѣтныя ткани, которыя Москвитяне называютъ китайками. Они привозятъ также корицу, но красную и низкаго сорта и нѣкоторой родъ зелья, называемаго бадьянъ, которое въ Сибири за нѣсколько лѣтъ предъ симъ стало быть извѣстно. Москвитяне ни къ чему его болѣе не употребляютъ, какъ только разсыропливаютъ имъ водку, которая отъ того дѣлается сладкою, какъ будто подслащена сахаромъ. Нѣкто изъ любопытныхъ старался испытать оное подробнѣе, и утверждаетъ, что бадьянъ, по мнѣнію его, годенъ къ употребленію въ питье больнымъ (вмѣсто обыкновеннаго взвара). Ибо увѣрялъ, что оной имѣетъ силу развеселять; тѣ же купцы привозятъ Турецкой кофе и Китайской чай, которой хотя идетъ на такое же употребленіе, какъ и кофе, но есть различное съ онымъ растѣніе (28). Привозятъ и Китайской табакъ, столь мелко изрѣзанной, что тонкость его почти равняется человѣческому волосу. Многіе по сей причинѣ не почитали его за табакъ, пока Русскіе купцы не увѣрили твердо, что они видѣли своими глазами, какъ Китайцы табачные листы разрѣзывали столь мелко; а цвѣтомъ бываетъ тотъ табакъ темной, желтой и зеленой. Отъ темнаго происходитъ весьма пріятной запахъ, и оной къ опьянѣнію гораздо сильнѣе прочихъ: такъ что охотники слабые головою,

Habent enim quasdam fistulas æreas, quarum orificium dimidium putaminis auellanæ nucis haud adæquet; qua fistula repleta, ac exhausta (ob doseos paruitatem) periculo carent.

Aduectant denique Buchari gemmas et illis imperitos, incantosque emptores circumvenire miris solent modis. Crystallum enim variis coloribus tinctum ostendant; quod in varias figuras efformatum, gemmas quasi rudes, ac inelaboratas exibet unà cum earum radicibus, siue cum adhærentibus quibusdam sordibus, seu maculis, ut videantur recenter è montibus erutæ. Singulæ gemmæ, diuersis figuris fusæ, ac effigiatæ sunt: (singulæ) vt inter centum, nulla sit alteri figurâ similis qua varietate visâ emptores facile decipiuntur. Narrabo unum casum. Tribunus quidam Germanus venerat ad Bucharum: petiit gemmas, elegit haud paucas, et persoluto pretio, domum rediit gaudens. Aduocauit alium Bucharum ciuem Tobolensem, regiorum falconariorum præfectum, nomine Azbakeium. Quæsiuit ex illo; quàm bene mercatus esset, et quod-

принуждены бываютъ воздерживаться отъ куренія. Его замариваютъ, какъ говорятъ, въ сахарномъ разтворѣ. Китайцы и научившіеся отъ нихъ Россіяне имѣютъ обыкновеніе накуриваться табашнымъ дымомъ до чрезвычайной опьянѣлости: отъ чего падаютъ и какъ бѣснующіеся дрожатъ. Многіе такимъ образомъ опьянѣвши лишались жизни. Однако Китайцы, наученные въ томъ многими примѣрами сей опасности не бываютъ подвержены. Ибо они имѣютъ нѣкоторыя мѣдныя трубочки, которыхъ отверстіе едва равняется половинѣ скорлупы лещеднаго орѣха; каковую трубочку наклавши полную и выкуривъ (по причинѣ малости приема) не претерпѣваютъ никакого вреда.

Наконецъ привозятъ Бухарцы драгоцѣнные камни и оными обманываютъ удивительнымъ образомъ, несвѣдущихъ и неосторожныхъ покупателей. Они показываютъ разныхъ цвѣтовъ хрусталь, которой будучи образованъ въ разныя фигуры, представляетъ видъ драгоцѣнныхъ камней, какъ будто грубыхъ и еще необдѣланныхъ вмѣстѣ съ ихъ матками, или съ прилипшими къ нимъ какими либо нечистотами или съ пятнами, чтобы они казались недавно вырытыми изъ горъ. Каждой камень представляетъ различную фигуру, такъ что въ сопнѣ ихъ нѣтъ ни одного подобнаго другому; каковую разнообразность увидѣвъ покупатели, легко обманываются. Я раскажу вамъ одинъ случай. Нѣкоторой чиновникъ изъ Нѣмцевъ пришедъ къ Бухарцу потребовалъ драгоцѣнныхъ камней; выбралъ нѣсколько ихъ и заплативши чего они сто-

nam esset Mosquæ illarum gemmarum pretium. Asbakeius detracto mox annulo, gemmam unam, alteram, ac tertiam, adamante attrivit (in quibus illico sulci apparuerunt) et respondit: vides, inquit, hos sulcos? Scito non esse gemmas, sed Crystallum. Si enim essent gemmæ, adamas eas haud apprehenderet, nec sulci fierent. Tribunus citauit negotiatorem ad tribunal; sed nihil profecit: quia ille se non illas adulterinas, sed alias sinceras gemmas vendidisse aiebat. Accedat hic alia, sed de metallariorum nequitia fabula. In oppido Tula aderant duo ferrifodinarum operarii, qui composita fraude libellum porrexerant, indicantes, se reperisse argenti venam. Iussi edere specimen, laudatos à se lapides igni adhibuerunt, et nonnihil argenti eliquati exhibuerunt. Missi Mosquam, et iussi coram curiæ ministris, iterum iterumque facere experimentum, nihil argenti excoquere potuerunt. Rapti igitur ad torturam, confessi sunt, se prima vice argentum terræ immis cuisse, idemque eliquatum exhibuisse. Itaque taureis castigati, Tobolinum deportati fuerunt. Eodem tempore, in districtu Tobolensi, in cœnobio quodam, (supra flumen Isettum sito) non procul a monte illo qui, (ut prædiximus) Astrachaniam à Sibiria dirimit, erat Monachus quidam magus vocabulo Iob: qui prædicabat, se è lapidibus vicini montis, argentum excoquere: quod et vendebat particulatim conflatum. Sciendum enim est, Tataris Sibiriensibus in more esse, ut cum nobilioribus viris, arma, et vasa argentea, et equorum ornamenta, sepeliant, additâ interdum etiam pe-

или, съ веселымъ духомъ возвратился домой. Призвавъ къ себѣ другаго Бухарца Тобольскаго жителя, имѣвшаго надзоръ за Царскими соколами, по имени Азбакея, спросилъ его, выгодна ли сія покупка и какую бы цѣну должно было заплатить за тѣ камни въ Москвѣ. Азбакей тотчасъ снявши съ пальца перстень, потеръ одинъ, другой и третій камень, алмазомъ (на которыхъ тотчасъ появились рубцы) и отвѣчалъ: видите ли вы сіи рубцы? такъ знайте же, что сіи не драгоцѣнные камни, а хрусталь; ибо еслибъ были камни, то алмазъ немогъ бы ихъ рѣзать и сдѣлать сихъ рубцовъ. Чиновникъ позвалъ Бухарца въ судъ; но ничего не выигралъ, ибо онъ утверждалъ, что продалъ ему не тѣ ложные, но другіе настоящіе драгоцѣнные камни. Есть также другая повѣсть о плутовствѣ рудоплавильщиковъ. Въ городѣ Тулѣ были два работника оружейнаго завода, которые выдумавъ обманъ, подали прошеніе, объявляя въ ономъ, что они нашли жилу, содержащую серебро. Получивъ приказаніе представить пробу, хвалимые ими камни подвергли дѣйствію огня и показали нѣсколько добытаго чрезъ то серебра. Будучи отправлены въ Москву, и получивъ приказаніе повторить нѣсколько разъ опытъ въ присутствіи Министровъ, не могли ни сколько серебра выплавить. И такъ взяли ихъ въ пытку, и они признались, что въ первой разъ примѣшали въ землю серебро и выплавивъ оное показывали. За что были наказаны кнутомъ и отосланы въ Тобольскъ. Въ тоже время въ Тобольской округѣ въ одномъ мона-

cunia*) cum ibi essem, obijt quidam Bucharus vocabulo Murat. Fama ferebatur octo millia rublorum, id est aureorum, cum illo fuisse sepulta. Illius sepulchrum cum quidam Mosci milites tentassent refodere, et accusati fuissent, taureis castigati fuerunt. Exstant autem in Sibiria passim antiquorum Scytharum sepulchra ignota, supra quæ iam virgulta aut siluæ enatæ sunt: quæque non aliter, quàm Magica Dæmoniorum ope reperiri possint. Nonnulli igitur, se propterea Magiæ addicunt, et repertis talibus sepulchris interdum nonnihil argenti effodiunt. Ipse vidi vasa argentea eo modo effossa. Supra dictus igitur Monachus Iob hac ratione argentum acquirebat: etne Magiæ suspectus esset, vasa effosa conflabat, et vendebat, mentiens se, de montis prædicti lapidibus argentum conflare. Aduenerat eo tempore Tobolinum Prætor quidam, qui et ipse magus erat et Dæmonium annulo, ut vocant, inclusum habebat. Hic ad montem illum, ex quo Monachus Iob argentum conquirere ferebatur, misit milites, qui multos ei lapides adferrent, qui quidem, adinstar argenti splendescebant, sed nihil erant aliud, quam friabile et inutile Talcum. Unum e lapidibus illis sumptum coram frequentibus conviuis ostentabat, ei ductis ex imo pectore suspiriis dicebat, se desiderare, ut posset cognoscere, quidnam ibi lateret.

*) Sciendum est Tartaris Sibiriensibus et Bucharis in more esse ut cum nobilioribus viris arma et vasa aurea et argentea et equorum ornamenta sepeliant, additâ interdum etiam pecunia. Etiam in Podolia, Ukraina, Moldauia, inveniuntur talia.

стырѣ (лежащемъ выше рѣки Исети) недалеко отъ хребта отдѣляющаго (какъ выше я сказалъ) Астрахань отъ Сибири, былъ нѣкоторой отшельникъ, искусный въ чародействѣ, по имени Іовъ, которой разпустилъ слухъ, что онъ изъ камней ближней горы выплавляетъ серебро, которое и продавалъ въ слиткахъ. Ибо надобно знать, что Сибирскіе Татары имѣютъ обычай погребать съ знатнѣйшими людьми оружіе, серебряные сосуды и конскія убранства, присовокупляя иногда къ тому и нѣсколько денегъ *). Въ бытность мою тамъ умеръ нѣкоторой Бухарецъ по имени Мурашъ. Слухъ носился, что съ нимъ зарыто было восемь тысячъ рублей то есть золотыхъ монетъ. Нѣкоторые Русскіе солдаты покусились вырыть его гробъ, и бывъ изобличены, наказаны за то кнутомъ. Въ Сибири повсюду находятся неизвѣстныя гробницы древнихъ народовъ, на поверхности коихъ поросли уже кустарники или лѣса и которыя не иначе можно отыскать, какъ съ помощію демонскаго чародѣйства (29). И потому нѣкоторые на сей конецъ обучаются чародѣйству и нашедъ таковыя гробницы, выкапываютъ иногда нѣсколько серебра. Я самъ видѣлъ выкопанные такимъ образомъ серебряные сосуды. И такъ сказанной отшельникъ Іовъ симъ способомъ отыскивалъ серебро; а дабы

*) Надобно знать, что у Сибирскихъ Татаръ и Бухарцевъ есть обыкновеніе съ знатнѣйшими людьми класть въ могилы оружіе, золотые и серебряные сосуды и конскую сбрую, присовокупляя къ тому и нѣсколько денегъ. Таковое обыкновеніе существуетъ въ Польшѣ, Украйнѣ и Молдавіи.

Interea ex composito, aderant illi duo, relegati Metallarii nebulones, quibus ille quasi ex inopinato conspectis, exclamauit: Heus vas bene adestis. Dicite mihi, quæso, quid putetis in hoc lapide contineri? Responderunt illi: Domine fieri nequit, quin hic sit argentum et quidem copiosum subdidit ille. Conflate igitur vos et elicite argentum. Responderunt: non posse id fieri nisi prius curarentur ex Hollandia adhuc quædam mineralia corpora, quæ adtalem operationem requirantur. Quibus auditis, quidam conviva dixit: Domine noliistis credere: ego enim tibi in hac ciuitate, inueniam tres et plures fabros argentarios, qui tibi poterunt hodie experimentum, siue probationem facere. At ille irâ commotus acriter conuivam obiurgauit, quærens: ubi studuisset arti Metallariæ, et quis cum constituisset fabrum argentarium. Ad Regem autem scripsit, esse talem montem plenum lapidibus, qui tati argento resplenderent; et ex quibus quidam Monachus sæpe argentum conflasset. Rex his perceptis, statim misso in Saxoniam Nuntio, peritum aliquem Metallarium, accersiri iussit. Venit quidam Magus occultus, ex illorum numero, quise Roseæ crucis fratres vacitant. Paulo post et Prætor Mosquam reuocatus, iussisque fuit, suum laudatum lapidem exhibere, quem Metallarius coram Rege proparet. Porrexit ille, accepit iste: et mox iniectum mortario comminuit, igni adhibuit, et conflabat. Aderat Rex: et consiliariorum primas, qui fixis oculis inspiciebat, ne quo fraus interueniret. Tandem peracta liquatione, Metallarius inuentam infundo, unam alне подозрѣвали его въ чародѣйствѣ, онъ выкопанные сосуды сплавлялъ и продавалъ, сказывая, что будто онъ выплавляетъ серебро изъ камней помянутой горы. Въ то время прибылъ въ Тобольскъ нѣкоторой Воевода, которой и самъ былъ чародѣй и имѣлъ демона, какъ говорится, заключеннаго въ перстнѣ. Посланные имъ солдаты къ той горѣ, изъ которой какъ слухъ носился, ошшельникъ Іовъ добывалъ серебро, принесли ему много камней которые хотя блистали на подобіе серебра, но не что иное были, какъ удобно растираемая мыловка или талькъ. Онъ взявъ одинъ изъ тѣхъ камней показывалъ бывшимъ у него гостямъ и съ тяжкими воздыханіями говорилъ: желалъ бы я знать, что тамъ скрывается. Между тѣмъ прибыли по тайному согласію, и оные двое ссыльныхъ плута, обманывавшіе серебромъ, которыхъ онъ увидѣвши, вскричалъ будто внезапно: вотъ къ спасти вы прибыли. Скажите мнѣ, что по мнѣнію вашему заключается въ семъ камнѣ? Они отвѣтствовали что не льзя, чтобъ тутъ не было серебра, да еще и много. Такъ растопите же, сказалъ имъ, и выплавьте серебро. Они отвѣчали, что ето не прежде можно сдѣлать, какъ когда привезены будутъ изъ Голландіи нѣкоторыя минеральныя тѣла, потребныя для такого дѣйствія. По выслушаніи чего, нѣкоторой гость сказалъ: невѣрьте имъ: я въ семъ городѣ найду вамъ трехъ и болѣе сребропавильщиковъ, которые могутъ вамъ сего дня сдѣлать опытъ или пробу. Но онъ чрезвычайно разсердившись обругалъ гостя, вопрошая его: гдѣ онъ учился Металлургіи и

teramque argenti unciam protulit. Sed res fuit gesta per fraudem, à duobus prædictis compositam magis. Prætor enim lapidem illum friabilem subula perforatum, et excavatum, argenti limatura repleuerat: et foramen eodem lapide dextre obturauerat: Metallarius autem fraudis conscius (cuius etiam intererat Regem decipere: quo diutius peramplo stipendio frueretur) lapidem minime circumspectum contundere festinauit: ne foramen et fraus patesceret. Itaque Rex eundem Metallarium, additis ei, aliis eiusdem professionis sociis et militum duabus cohortibus, ad præmemoratum Sibiriæ montem misit.

кто сдѣлалъ его мастеромъ серебряныхъ дѣлъ. Къ Царю жь написалъ, что есть такая гора наполненная камнями, которые блещутъ серебромъ, и изъ которыхъ одинъ отшельникъ часто выплавлялъ серебро. Царь по полученіи сего донесенія, тотчасъ отправивъ въ Саксонію курьера, приказалъ вызвать какого нибудь искуснаго металлурга. Прибылъ нѣкоторой тайной чародѣй изъ числа тѣхъ, которые называются братьями Розоваго креста. Спустя нѣсколько позвали въ Москву и Воеводу и приказали ему представить хваленой имъ камень, для испытанія въ присутствіи Царя. Одинъ подалъ, а другой взялъ: и тотчасъ положивъ въ итопь изтолокъ его, поставилъ на огонь и разплавлялъ. Тутъ присутствовалъ Царь и первый изъ Совѣтниковъ, которой обративши глаза смотрѣлъ, чтобы не сдѣлано было какого обмана. Наконецъ по окончаніи плавки, металлургъ вынулъ найденную имъ на днѣ одну и другую унцію серебра. Но дѣйствіе сіе произведено было посредствомъ обмана, выдуманнаго двумя вышесказанными чародѣями. Ибо Воевода провернувъ тотъ мелкой камень и выдолбивъ, наполнилъ пустоту серебряными опилками: и скважину искусно забилъ тѣмъ же камнемъ. А металлургъ, знавшій о обманѣ, (для котораго полезно было обмануть Царя, дабы тѣмъ далѣе пользоваться весьма большимъ жалованьемъ) ни мало не осмотрѣвъ камня, поспѣшилъ скорѣе изтолочь его, чтобы скважина и обманъ не обнаружились. И такъ Царь онаго металлурга, придавши ему нѣсколько товарищей того же званія, и двѣ роты солдатъ, послалъ къ вышесказанной Сибирской горѣ.

Ibi anno vertente et amplius commorati, omnem lapidem moverunt, coxerunt, conflarunt: sed nullam argenti micam excoxerunt. Monacho igitur illo impostore (nam iussus aderat) mori sub flagris coacto, Mosquam recesserunt. Prætor Paulo post a latronibus occisus periit: Metallarius aliquamdiu, subtracto sibi stipendio in suburbio Germanico, omnibus invisus hærebat.

Addatur et altera de Alchimistis fabella. Erat Mosquæ Medicus quidam, mihi notus familiariter. Hic principiis belli illius, quod Turci, adversus Venetos gesserunt, degebat Constantinopoli, in familia Oratoris Veneti, et fuga elapsus peruenit in Podoliam: ubi a viro nobili N. Potocio *) in curia Czartkovo, liberaliter tractabatur: donec unà cum domino suo Mosquam captiuus fuit adductus. Ille igitur referebat fama, inquit, ferebatur Constantinopoli de quodam Pharmacopola: quod esset aurifactoriæ artis peritus. Ego igitur et quidam Patricius Venetus, illum multoties aduocatum, omni humanitatis genere tractabamus, et muneribus alliciebamus, ut nos suæ artis faceret participes. Fatebatur ille se artem callere, non tamen facile cuiquam reuelaturum. Nos instabamus, ut nobis saltem aliquod dictæ artis specimen exhiberet. Ille petiit aliquot aureos, ad Mineralia quædam corpora, ut aiebat, comparanda: postmodum attulit nobis, quemdam puluerem, quem iussit cum

*) Paulo Potocio Castellano Camenecensi.

Тамъ они пробывъ болѣе года, все стараніе употребили: пережигали, перетапливали камни, но ни одной крохи серебра не добыли. И такъ засѣкши онаго обманщика (ибо онъ по повелѣнію туда прибылъ) до смерти плетьми, возвратились въ Москву. Воевода спустя не много послѣ того убитъ былъ разбойниками. Металлургъ по отнятіи жалованья, жилъ нѣсколько времени въ Нѣмецкомъ предмѣстіи, будучи всѣми ненавидимъ.

Есть еще другая повѣсть о Алхимистахъ. Въ Москвѣ былъ нѣкоторой коротко мнѣ знакомой Медикъ. Онъ въ началѣ той войны, которую Турки имѣли съ Венеціанцами, жилъ въ Константинополѣ въ свитѣ Венеціанскаго посланника, и бѣжавъ оттуда, прибылъ въ Подолію; гдѣ весьма хорошо былъ содержанъ благороднымъ мужемъ Н. Потоцкимъ *) въ господскомъ домѣ, что въ Чартковѣ, до того времени, пока вмѣстѣ съ господиномъ своимъ попавшимъ въ плѣнъ, отведенъ былъ въ Москву. Слухъ носился, говорилъ онъ, въ Константинополѣ о нѣкоторомъ аптекарѣ, что будто онъ свѣдущь былъ въ искуствѣ составлять золото; а потому я и одинъ Венеціанской дворянинъ призывавши его къ себѣ нѣсколько разъ, всякими ласками ему угождали и подарками задобривали, чтобы онъ сдѣлалъ насъ участниками своего искуства. Онъ признавался, что искуство сіе, знаетъ; однако не откроетъ онаго никому. Мы настаивали, чтобы онъ показалъ намъ

*) Павломъ Побоціемъ, Кастелланомъ Каменецкимъ.

certa quantitate hydrargyri vasi iniectum, ad ignem conflari. Nos, quod iussi eramus fecimus et in vase aurum inuenimus. Non tamen plus aut minus, quam quot aureos dederamus. Hæc operatio tertio et quarto, a nobis iterata, et auri semper, plus uel minus inuentum fuit, secundum pondus aureorum, quos Pharmacopolæ pro puluere dabamus. Hydrargyrum autem et ligna (quæ Constantinopoli ad pondus comparantur) et labor noster abibat in vanum. Tandem nos impatientia commoti, serio illum alloquebamur; ne nos diutius vanâ spe traheret, sed simpliciter veritatem fateretur. Respondit ille: Accipe, inquit, aureos tres, aut quot volueris, et vespere, quando decubiturus es, pone illos supra mensam; Circum scribe circulum: et adde verba hæc (N. N.) et munecum surrexeris, aurum quidem in mensa nullum reperies, sed loco illius puluerem habebis: plus vel minus pro quantitate, auri appositi. Hunc puluerem, si eo modo, quo nostis, adhibueris: aurum tuum, quod in mensa dispatiru, eodem pondere, in tuo vase reperies.

Liceat et tertiam addere præmissæ geminam narrationem. Cui enim Ioannis Caramuelis ignotum est nomen, viri totâ

по крайней мѣрѣ какой-нибудь опытъ сказаннаго искусства. Онъ потребовалъ нѣсколько червонцевъ для покупки, какъ онъ говорилъ, нѣкоторыхъ минеральныхъ тѣлъ. Послѣ того принесъ намъ порошокъ, которой положа въ сосудъ съ извѣстнымъ количествомъ ртути, велѣлъ разтопить на огнѣ. Мы по приказанію его исполнили, и въ сосудѣ нашли золото. Однако онаго было не больше и не меньше того, сколько дали мы червонцевъ. Сіе дѣйствіе повторявъ три и четыре раза, мы всегда находили болѣе или менѣе золота, смотря по тяжести червонцевъ, которые давали аптекарю на порошокъ. А ртуть и дрова, покупаемыя въ Константинополѣ на вѣсъ, и трудъ нашъ пропадали за ничто. Наконецъ мы вышедъ изъ терпѣнія, начали говорить ему прямо, чтобы онъ не мучилъ насъ далѣе пустою надеждою, но откровенно признался бы въ истинѣ. Онъ отвѣтствовалъ: возмите, три червонца, или сколько угодно будетъ, и вечеромъ ложась спать оставьте ихъ на столѣ; начертите около ихъ кругъ и прибавьте сіи слова (N. N.), вставши же по утру, хотя никакого золота не найдете, но вмѣсто онаго получите порошокъ болѣе или менѣе, смотря по количеству положеннаго золота. Съ симъ порошкомъ, если вы поступите извѣстнымъ вамъ образомъ: то золото ваше, котораго не оказалось на столѣ, вы найдете въ сосудѣ точно въ такомъ количествѣ.

Позвольте мнѣ къ предъидущей присовокупить и третью подобную повѣсть. Кому не извѣстно имя Іоанна

Europa celeberrimi. Qui cum in vrbe esset, et die quodam (quo et ipse aderam) cum famulus significasset, adesse hospitem, virum nobilem incognitum: ad socium ille suum et ad medixit: Secedite vos in interius cubiculum, ego istum quisquis sit, tribus verbis expediam; sed vix duabus horis expediuit. Ingressus enim ille, quoniam, inquit, reuerendissime Abbas, tota Europa te, ob ingenium eruditionemque tuam, quasi Phœnicem admiratur: id circo ego quoque, tuæ sapientiæ auscustandæ, auidus ecce adsum. Supplico autem tuæ hamanitati: ut unicam mihi resolvas quæstionem. Caramuel: quidnam tale? Hospes: cupio à te audire: an aurum arte confici possit, nec ne? Caramuel: quid iubes domine, ut tibi probem? Posse id fieri, an non posse? Hospes: neutrum ipse determino, sed quæso intelligere, quid tu sentias. Caramuel: ego quoque nihil definio, sed in utramque partem paratus sum, et id, quod tu iusseris, argumentis tibi probare conabor. Hospes: domine Abbas, ut video, mecum iocaris. Sed quæso, ut missis facetiis, sententiam mihi tuam candide aperias. Caramuel: ego vero minime iocor, sed Alchimistarum, (de quorum te numero unum esse suspicor) ingenium tibi ob oculos pono. Vos enim domini Alchimistæ, adeo, opinionis vestræ tenaces estis, ut etiamsi omnes Sancti Seraphimi cælitùs descenderent, et vobis probare niterentur, rem quam vos inquiritis, factu esse impossibilem, vos illis haud quaquam crederetis. Quomode igitur vobis ego persuasero id, quod nec cælites persuaderent. Post multa demum

Карамуеля, славнѣйшаго во всей Европѣ мужа (30). Въ бытность его въ городѣ въ одинъ день (въ которой и я у него находился), когда слуга доложилъ, что пришелъ какой-то неизвѣстной благородной человѣкъ, то онъ пріятелю своему и мнѣ сказалъ: выдьте въ другой покой. Я въ трехъ словахъ объяснюсь съ пришедшимъ, кто бы онъ ни былъ; но едва кончилъ съ нимъ разговоръ въ два часа. Ибо онъ такъ говорилъ: почтеннѣйшій Аббатъ! поелику вся Европа удивляется тебѣ, какъ Фениксу, по причинѣ остроумія и учености твоей: то и я также желая послушать твоей премудрости, прибылъ. Покорнѣйше же прошу твоего человѣколюбія разрѣшить одинъ только вопросъ. Карамуель: что такое? Гость: я желаю отъ тебя узнать, можно ли составить золото искуственнымъ образомъ, или нѣтъ? — Карамуель: что же заставитъ меня доказывать вамъ, можно ли ето сдѣлать, или не можно? Гость: я ни того, ни другаго не опредѣляю, но желаю знать, какъ ты судишь. Карамуель: я также точно не опредѣляю; но согласенъ на то и на другое, и что чего вы требуете, постараюсь доказать вамъ. Гость: господинъ Аббатъ, ты, какъ кажется, шутишь надо мною. Но я прошу оставивъ шутки, искренно объявить мнѣ твое мнѣніе. Карамуель: а я ни мало не шучу, но свойство Алхимистовъ (изъ числа которыхъ однимъ и васъ я почитаю) очевидно вамъ представляю. Ибо вы господа Алхимисты столь упорно держитесь вашего мнѣнія, что хотя бы всѣ Серафимы сошли съ небесъ и старались бы вамъ доказать,

hinc inde dicta, referebat hospes: qua occasione ipse animum ad Alchimiæ studium adiecisset. In ciuitatem, inquit, quam ipse incolo, aduenit quidam Romipeta: qui pulsatis ædium mearum foribus, admissus alloquebatur me: Domine! sum, inquit, genere Germanus, arte faber argentarius, peto urbem ad visitanda ex voto Apostolorum limina; cupio in hac vestra urbe, visitare loca pia, sed pecuniâ careo, quâ diuersorium persolverem: supplico tuæ nobilitati, ut mihi triduo præbeas panem et hospitium. Ego porrexi homini clauem, et assignaui cubiculum, in quo sua libertate uteretur. Exibat summo mane, redibat ad cænas: Quarto die vocauit me ad suum cubiculum, petiit, ut emerem aliquot uncias hydrargyri; quod cum adlatum esset, vasi idoneo infudit, puluerem quemdam adspersit, coopertum, ad ignem ibidem succensum applicauit, et ad me dixit: domine, cras in hoc vase, inveniemus egregium ientaculum. Ego discessi: ille summo mane domo exiuit, et die ac nocte sequenti emansit. Ego altero die, effracta sera cubiculum ingressus inspexi, quidnam in illo prædicto vase esset, et reperi frustum auri, quod 50 aureos pondere superabat. Ostendi illud Metallorum peritis, qui factis omnibus experimentis, affirmabant, aurum esse obryzum. Ex illo igitur tempore ego, viso tam illustri exemplo, ad Alchimiam, animum studiumque meum applicui. Multum laboraui, multos sumptus feci; sed nihil hactenus profeci. Caramuel: de (illo) Romipeta quidnam factum est? Hospes: ego illum curaui in omnibus Ecclesiis et Xenodochiis

что вещь, которой вы ищете, не возможна, то вы ни какъ не повѣрили бы имъ. Какъ же я могу увѣрить васъ въ томъ, въ чемъ и небесные жители не увѣрили бы. Послѣ продолжительнаго разговора съ той и другой стороны, гость разсказывалъ, по какому случаю онъ возъимѣлъ охоту къ изученію Алхиміи. Въ городъ, говорилъ онъ, гдѣ я живу, пришелъ нѣкто путешествующій въ Римъ, который постучавшись у дверей моего дома, и будучи впущенъ, разговаривалъ со мною такъ: Государь мой, сказалъ онъ, я родомъ Нѣмецъ и по ремеслу серебряникъ, иду по обѣщанію посѣтить храмъ Апостоловъ (церковь Св. Петра). Желаю въ семъ вашемъ городѣ побывать во всѣхъ святыхъ мѣстахъ; но не имѣю денегъ, чтобы заплатить на постояломъ дворѣ. Покорнѣйше прошу Ваше Благородіе дать мнѣ на три дня пристанище у васъ и снабдить хлѣбомъ. Я подалъ ему ключъ и отвелъ покой, въ которомъ бы онъ могъ разположиться какъ ему угодно. Онъ выходилъ очень рано и возвращался къ ужину. На четвертой день позвавъ меня въ свою комнату, просилъ чтобы я купилъ нѣсколько унцій ртути. Которая какъ только была принесена, то положилъ ее въ удобной сосудъ, всыпалъ какой-то порошокъ, закрывши поставилъ на разведенной тутъ же огонь, и мнѣ сказалъ: Государь мой, завтра въ семъ сосудѣ мы найдемъ изрядной завтракъ. Я отъ него вышелъ. Онъ весьма рано изъ дому ушелъ и во весь день и слѣдующую ночь не возвращался. Я на другой день разломавши замокъ, вошелъ въ комнату посмотрѣлъ,

et cauponis inquiri, cursorem quoque per viam Urbanam expediui, sed nemo repertus fuit, qui illum a se visum fuisse assereret. Caramuel: nonne igitur perspicis domine; istum non hominem fuisse sed Angelum, atrum tamen, non album, ut pote, qui nusquam, nisi in ædibus tuis visus fuerit. Si enim (ille) teste Apostolo, in Angelum lucis se transformare potest, cur non potuerit tibi humani corporis formâ laruatus illudere? Existimo enim te, a misericordiæ operibus haud alienum fuisse, ut pote, qui homini peregrino tam liberaliter, ut narras, hospitium præbuisti. Satanas igitur, ut te a misericordiæ virture aba lienaret, et diametrice opposito avaritiæ vitio manciparet; istâ tali impostura te in fraudem induxit.

Quartum Magicæ impostura exemplum. Tobolini degebat militum quidam Tribunus, (quem hic Antonium appellabo) eximiæ aucioritatis vir. Adhunc quodam

что было въ помянутомъ сосудѣ, и нашелъ кусокъ золота, которой вѣсомъ былъ, болѣе 50 червонцевъ. Показалъ оной знатокамъ металловъ, которые сдѣлавъ надъ нимъ все испытаніе, утверждали, что ето чистое золото. И такъ съ того времени, я видѣвъ толь славной примѣръ, обратилъ мысли мои и стараніе къ Алхиміи. Много я трудился, употребилъ большія на то издержки; но доселѣ ни сколько не успѣлъ. Карамуель: что же случилось съ онымъ путешествователемъ въ Римъ? Гость: я старался отъискать его во всѣхъ церквахъ, гостинницахъ и постоялыхъ дворахъ; послалъ также гонца по городской дорогѣ, но ни кто не нашелся такой, которой бы видѣлъ его. Карамуель: и такъ не уже ли вы Государь мой не видите, что ето былъ не человѣкъ, но Ангелъ, только черной, а не бѣлой, то есть которой никогда нигдѣ не былъ видѣнъ, кромѣ вашего дома. Ибо ежели онъ можетъ преобразиться въ Ангела свѣта: по свидѣтельству Апостола, то для чего же не могъ насмѣяться надъ вами, принявши на себя видъ человѣка? Я почитаю васъ человѣкомъ сострадательнымъ потому, что вы, какъ разсказываете, столь охотно дали пристанище страннику. И такъ сатана, дабы отвратить васъ отъ добродѣтели милосердія и поработить въ противоположной тому порокъ жадности, таковымъ очарованіемъ обманулъ васъ.

Четвертый примѣръ магическаго обмана. Въ Тобольскѣ жилъ нѣкоторой Полковникъ (котораго я назову здѣсь Антоніемъ), человѣкъ очень почтенной. Въ

die, venerat alter Tribunus, qui referebat: se habere librum mole exiguum, sed virture magnum. Quotiescunque enim, inquiebat, illum perlego, per triginta dies, securus viuo ab omni armorum nocumento et coram quibusuis dominis gratus, et in omni lite victor ero; Auctor autem libri est quidam Papa. Ad ista supervenit quidam Catholicus. Tunc Antonius ad illum: ho, ho, domine Pontificie, recte aduenisti. Jam te cepi. Ecce, quales doctrinas vestri Pontifices in publicum emittunt. Quibus verbis, directe quidem Catholicum (vt putabat), oblique autem suum illum collegam petebat; tanquam Magum. Respondit Catholicus: istud quidem nulla ratione est verum: quia summi Pontifices, talia scriptà maledicunt, et sub excommucationis censura legi vetant. Tunc Magus ille Tribunus: atqui, inquit ego tibi ostendam ipsum libri titulum; Moxque prosiliens, domum abiit, et cum libro rediit. Erat autem auctor libro præscriptus Bernardus Papa. Tunc Catholicus exclamauit: ecce, inquit, palpabile, putidúmque mendacium. Neque enim unquam inter summos Pontifices fuit, qui Bernardi nomine nuncuparetur. Testes inuoco Centuriarum Magdeburgensium auctores, et illarum abbreviatorem. Ioannem Micrelium, quem, si lubet confestim vobis producam: ibi enim legitur omnium Pontificum catalogus, sed nullus invenitur Bernardus; et in hoc mihifidem adstruent omnes (cuiuscunque confessionis sint) historici. Deinde conuersus ad Antonium dixit: domine Tribune, attende, quæso, et observa, quod nunquam Deus tantam potestatem permittit Satanæ in

одинъ день пришелъ къ нему другой Полковникъ, которой разсказывалъ, что у него есть книга по наружному виду маловажная, но по достоинству ея великая: ибо, говорилъ онъ, всякой разъ, когда ее прочитаю, въ продолженіи тридцати дней бываю безопасенъ отъ всякаго вреда оружія; у всѣхъ начальниковъ бываю въ милости и во всякой тяжбѣ одерживаю верьхъ. Сочинитель же сей книги есть нѣкоторой Папа. Въ то самое время пришелъ одинъ Католикъ. Тогда Антоній сказалъ ему: а вотъ господинъ Папистъ кстати вы пришли. Теперь уже я поймалъ васъ. Вотъ какія ученія выдаютъ въ свѣтъ ваши Папы! которыя словà онъ прямо обращалъ (какъ онъ думалъ) противъ Католика, но стороною давалъ знать оному товарищу своему, какъ чародѣю. Католикъ отвѣтствовалъ: ето совсемъ неправда: ибо Папы таковыя сочиненія проклинаютъ и запрещаютъ читать подъ опасеніемъ отлученія отъ церкви. Тогда оный чародѣй Полковникъ возразилъ: но я покажу тебѣ самое заглавіе книги. И тотчасъ вставъ пошелъ домой и возвратился съ книгою. Сочинителемъ же оной показанъ былъ Папа Бернардъ. Тогда Католикъ возкликнулъ: вотъ явная и гнусная ложь! Ибо никогда между Папами не было такого, которой бы назывался именемъ Бернарда. Я призываю въ свидѣтели Авторовъ Магдебургскихъ Центурій (*) и сократителя ихъ Іоанна Микелія (31), котораго ежели угодно я тотчасъ представлю. Ибо тамъ находится всѣмъ Папамъ списокъ, но нѣтъ ни одного изъ нихъ Бернарда: и въ томъ опра-

*) Церковная Исторія, раздѣленная по столѣтіямъ.

tentandis hominibus, quin vir prudens, et de sua salute sollicitus, possit fraudem animaduertere; si modo sollicite, ingruentem sibi perpenderit tentationem. Quod in hoc Magico libro manifeste liquet: Magus enim ille, qui ipsum conscripsit licet haberet potestatem inscribendi summum Pontificem, non tamen permissus est aliquod verum cuiuscunque Pontificis preferre nomen: ut ita Satanæ fallacia, ex ipso (statim) codicis fronte appareret.

Subiungitur hic breuis disputatio, eó quód ibidem contigerit, inter dictos Antonium, et Catholicum, quem appellabo Petrum. Antonius erat de Reformata, ut vocant, Ecclesia: qui cùm quadam vice assereret Patres sanctos fuisse homines, potuisse errare, ut homines, et errasse in multis, ut homines; Petrus dixit: Caluinus et Luterus fueruntne homines? Antonius: quidni? Petrus: ergo et ipsi errarunt, ut homines. Antonius: quid tum? fortasse errarunt. Petrus: tu verò iniquus es iudex; Sanctos enim dixisti categorice errasse; Caluinum autem hypothetice et dubitatiue. Forte, ais, errauit. Cùm tamen illifuerint sancti; et iste minime. Verùm tamen attende, quod utrumvis dixeris, in idem incommodum prolaberis. Si enim Categorice ais Caluinum errasse; et tamen eius doctrinam sectaris ac tueris: ergo ipse tu etiam (et

вдаютъ меня всѣ (какого бы они исповѣданія ни были) Историки. Потомъ оборотясь къ Антонію сказалъ: господинъ Полковникъ прошу выслушать и замѣтить, что Богъ никогда не даетъ сатанѣ такой власти въ искушеніи людей, чтобы мужъ благоразумной и о спасеніи своемъ пекущійся не могъ примѣтить обмана, ежели только тщательно разсмотритъ встрѣчающееся ему изкушеніе; что ясно видно въ сей чародѣйской книгѣ. Ибо хотя оный чародѣй, которой ее сочинилъ, могъ въ заглавіи написать Папу, однако же не былъ допущенъ до того, чтобы выставить подлинное имя какого либо Папы, такъ что обманъ сатаны изъ самаго оглавленія книги тотчасъ виденъ.

Здѣсь присовокупляется краткой споръ для того, что тамъ же произошелъ между помянутыми Антоніемъ и Католикомъ, котораго я назову Петромъ (32). Антоній, былъ членъ Реформатской, (какъ называютъ) церкви. Который, какъ однажды утверждалъ, что Святые отцы были люди; слѣдовательно могли ошибаться какъ люди, и во многомъ ошиблись какъ люди. Петръ сказалъ: а Кальвинъ и Лютеръ былиль люди? Антоній: какъ же не такъ? Петръ на то: слѣдовательно и они ошиблись какъ люди. Антоній: такъ что же изъ того? можетъ быть и ошиблись. Петръ: но ты несправедливой судія. Ибо о погрѣшеніи Святыхъ отцовъ сказалъ ты безусловно, а о Кальвинѣ условно и съ сомнѣніемъ; то есть, можетъ быть потрѣшилъ. Когда однако они были Святые, а сей никакъ. Но послушай, какъ бы ты ни

quidem sciens ac volens) erras. Si uero ais dubitatiue: forte Caluinus errauit; et tamen eandem doctrinam amplecteris; de cuius veritate ambigis: fides tua ambigua est, et incerta: imo est non fides, sed illusoria opinio. Antonius: ego soli Sacræ Scripturæ credo. Papæ autem, et concilio et Augustino et Caluino, atque adeo omni homini, non plus credo, nisi quantum quis cum scriptura concordat. Petrus: sed nostine tu indicare: quinam concordent, aut non? Antonius: noui per Dei gratiam. Petrus: ergo tu es iudex omnium, et plus quam pontifex: qui et Pontificem ipsum, et omnes alios iudicas, et condemnas. Antonius: tu quoque facis idem. Nam dum Pontifici adhæres, utique id iudicio proprio, et non coactione facis; et Pontificem quidem iudicas esse veracem, reliquos autem omnes condemnas vt fallaces. Petrus: at magnum est discrimen internos. Ego enim (cum Catholicis) omnes (præter Pontificem, et qui cum illo unanimes sunt) iudico esse fallaces: idque non propria, sed Ecclesiæ auctoritate fretus. Ecclesiam autem ipsam, nullo modo iudico in aliquo particulari articulo, necexamino; sed simpliciter credo, ipsam esse in fallibilem, nunquam errasse, nec errare posse, quoniam credo Saluatori promittenti: Portæ inferi non præuelebunt adversus eam et Apostolo dicenti. Ecclesia est columna et firmamentum veritatis. Ideoque obtempero domino iubenti: si autem Ecclesiam non audierit, sit tibi sicut Ethnicus et Publicanus. Et omnes, qui Ecclesiam non audiunt, censeo ut Ethnicos et Publicanos: ipse autem Ecclesiam, in nullo articulo dijudico,

говорилъ, то или другое, той же непріятности себя подвергнешь. Ибо ежели безусловно говоришь, что Кальвинъ ошибся, однако же слѣдуешь его ученію и оное защищаешь: то и самъ ты (и притомъ не по невѣденію, а добровольно) заблуждаешься. Если же говоришь съ сомнѣніемъ, то есть, что можетъ быть Кальвинъ ошибся, однако то ученіе принимаешь, въ истинѣ котораго сомнѣваешься: то вѣра твоя сомнительна и неверда, даже не есть вѣра, но обманчивое мнѣніе. Антоній: я вѣрю одному только Священному Писанію: а Папѣ, Собору, Августину и Кальвину, да и всякому человѣку не больше вѣрю, какъ сколько кто изъ нихъ согласуется съ Священнымъ Писаніемъ. Петръ: но умѣешь ли ты судить, кто согласуется, или нѣтъ? Антоній: по милости Божіей умѣю. Петръ: слѣдовательно ты судія всѣхъ и болѣе, нежели Папа, ибо ты судишь о самомъ Папѣ и обо всѣхъ прочихъ, и осуждаешь. Антоній: ты дѣлаешь тоже самое; ибо когда держишься Папы, то конечно дѣлаешь сіе по собственному разсужденію, а не по принужденію, и Папу считаешь правдивымъ, прочихъ же всѣхъ осуждаешь какъ обманщиковъ. Петръ: но между нами есть великая разница. Ибо я (съ Католиками) почитаю обманщиками всѣхъ (кромѣ Папы и которые съ нимъ единомыслены), полагаясь въ томъ не на собственную свою, а на власть церкви. Но о самой церкви я никакъ не сужу ни по какому частному члену, не изпытываю оной, а просто вѣрю, что она не ошибается, никогда не ошибалась и ошибаться не мо-

nec quidquam eorum, quæ illa ad credendum proponit, discutio. Sed clausis frontis ac mentis oculis (tutissima et tranquillissima conscientia) omnia, quæ illa credi iubet, amplector, simpliciterque credo. Utijumentum factus sum apud te: et ego semper tecum Psal. 72. At vero tu, tuam Reformatam Ecclesiam, (quatenus visibilis est) scilicet omnes Pastores et libros discutis, et examinus; et ais potuisse et posse errare. Ex hoc autem recte dubitatiua conclusio infertur: ergo fortasse errarunt. Atsi fortasse errarunt; fides ergo tua fortasse erronea est; certo autem incerta est. Antonius: ego non credo visibili Ecclesiæ (siue hominibus, et libris visibilibus), sed invisibili Ecclesiæ siue spiritui, qui me docet recte capere sensum Scripturæ. Petrus: quis ergo aut qualis est ille spiritus? Antonius: est meus spiritus proprius, à Deo mihi donatus: quem vocant priuatum spiritum, siue internum, judicium; quod nihil est aliud, quàm Dei gratia; quæ me docet intelligere Scripturas et omnem veritatem secundum illud. Ille uos deducet in omnem veritatem. Petrus: valde falleris, quia hoc non cuiquam priuato, sed Ecclesiæ congregatæ, promissum est; et maxime illius capiti. Ubicunque fuerint duo aut tres congregati, in Nomine Meo, in medio illorum sum. Alioquin enim, etiam omnes Patres, quos tu condemnasti, habuerunt singuli suos spiritus proprios et cum Apostolo (forte rectius, quam tu, vel Caluinus) dicebant. Puto autem quod et ego spiritum Dei habeam et tamen (nihil obstantibus tot priuatis spiritibus) omnes, te iudice, errarunt. Quidni igitur et te

жетъ. Поелику я вѣрю Спасителю, обѣщавшему: *врата Адова не одолѣютъ ей* (*), и Апостолу сказавшему: церковь есть столпъ и утвержденіе истины. И для того я повинуюсь Господу, повелѣвающему: *аще и церковь преслушаетъ, буди тебѣ яко язычникъ и мытарь* (*) и всѣхъ неповинующихся церкви я считаю какъ язычниковъ и мытарей. Самъ же ни по какому члену не испытываю церкви и ничего не изслѣдываю, чему она учитъ насъ вѣрить. Но закрывъ душевныя и тѣлесныя очи (съ небоязненною и весьма спокойною совѣстію) все, чему она повелѣваетъ вѣрить, приемлю и просто вѣрю. Что касается до тебя, то ты Реформатскую свою церковь (поколику она есть видимая), то есть всѣхъ Пастырей и книги испытываешь, и изслѣдываешь, и говоришь, что они могли и могутъ погрѣшать. А изъ сего прямо выводится сомнительное заключеніе: слѣдовательно можетъ быть погрѣшили; слѣдовательно вѣра твоя можетъ быть, есть погрѣшительна; извѣстно же то, что она неосновательна. *Антоній*: я не вѣрю видимой церкви (то есть людямъ и книгамъ видимымъ), но невидимой церкви, то есть духу, которой меня научаетъ прямо понимать смыслъ Св. Писанія. *Петръ*: кто же или какой есть тотъ духъ? *Антоній*: есть собственной мой духъ, отъ Бога мнѣ данный: называемый духомъ частнымъ

(*) Матѳея Глава XIV стихъ 18. — Для знающихъ мало Славянскій языкъ, приводимые здѣсь тексты будутъ вразумительнѣе при употребленіи изданнаго Россійскимъ Библейскимъ обществомъ *Новаго Завѣта на Славянскомъ и Русскомъ языкѣ*.

(*) Матѳ. Гл. XVIII, ст. 17.

tuus priuatus spiritus in errorem inducere possit, si tot illos ac tales viros sanctos ipsorum priuati spiritus in plurimos errores (ut tu quidem ais) induxerunt? Hic cùm Antonius aliquantum hæsisset (*reticuisset*), cogitans quidnam responderet, prosequendo dixit Petrus: videris sentire vim argumenti. Sed quidquid dixeris hinc te nunquam explicabis. Hoc igitur nunc non urges: concedo tibi tempus ad meditandum, unum saltem quæro ex te: Exstat ne aliquis in orbe liber doctrinæ (præter sacram Scripturam) qui, te iudice, sit ab omni errore immunis, et cui possit homo totam suam conscientiam et negotium salutis confidere; et nominatim quæro: Institutiones Caluini suntne ab omni errore immunes? Antonius: respondeo tibi, sicut et antea respondi: immunes sunt, si et in quantum cum sacra Scriptura concordant. Petrus: rursum mihi ad priora, etiam discussa relaberis, hoc enim ipsum quæro exte: an Institutiones Caluini, in omnibus suis verbis, perfecte concordent cum scriptura, nec ne? Ad hoc mihi responde. Antonius: ego illos verbatim non dum examinaui. Petrus: vide ergo iam, ne et Caluino et tuæ Ecclesiæ Pastoribus, insignem facias iniuriam, et ne fides tua sit incerta, dubia, et nulla. Si enim Institutiones dictæ, non nisi supposito ac præmisso earum examine, ab erroribus sunt immunes: et nondum sunt examinatæ, suspectæ ergo sunt falsitatis; et quare illas dicti pastores tam diu non examinarunt, nec cum scriptura contulerunt? et tu ipse quare non contulisti? Sed et illi, in scholis et pulpitis, ca-

или внутреннимъ сужденіемъ, которое не что иное есть, какъ благодать Божія, научающая меня понимать Св. Писаніе и всякую истину, по сказанному: той наставитъ на всякую истину. *Петръ:* ты весьма ошибаешься. Ибо сіе обѣщано не каждому частному, но собравшейся церкви, наипаче же главѣ ея. *Идѣже еста два или тріе собрани во имя мое, ту есмь посредѣ ихъ* (*). А иначе и всѣ Св. отцы, которыхъ ты осудилъ, имѣли каждой свой собственный духъ и съ Апостоломъ (можетъ быть справедливѣе, нежели ты или Кальвинъ) говорили: мню, яко и во мнѣ духъ Божій есть. Однако же (не смотря на столь многіе частные духи) всѣ они по мнѣнію твоему погрѣшили. Такъ почему же и тебя твой частный духъ не могъ бы ввести въ заблужденіе; когда оныхъ столь многихъ и такихъ Святыхъ мужей частные ихъ духи (какъ ты впрочемъ говоришь) ввели въ весьма многія заблужденія? Когда на семъ Антоній остановился (замолчалъ), думая, что на сіе отвѣчать, то Петръ продолжая сказалъ: кажется ты чувствуешь силу доказательства. Но что бы ты ни сказалъ, никогда не выпутаешься. И такъ ты теперь не настаиваешь въ томъ: даю тебѣ время на размышленіе. Объ одномъ только вопрошаю тебя: есть ли въ свѣтѣ какая нибудь книга ученія (кромѣ Священнаго Писанія), которая бы, по мнѣнію твоему, не имѣла въ себѣ никакой погрѣшности, и которой бы человѣкъ могъ ввѣрить безопасно свою совѣсть

(*) Матѳ. Глав. XVIII. ст. 20.

tegorice eas prælegunt, et prædicant: et tu ipse quare liberis tuis illas et prælegis et legi iubes? An forte singuli auditores (priusquam dictis Institutionibus credant) singulis vicibus, pro singulis verbis, debebunt sacram Scripturam euoluere, et spiritum priuatum consulere? Et si aliqui forte id fecerint; Rustici, quid à conciane reduces facient, qui scripturam nec habent, nec legere norunt. Si itu est, ut tu narras: profectó debebant vestri Superattendentes et Theologi dictas Institutiones, antea verbatim examinare, et cum dictamine privati spiritus ad sacram Scripturam conferre: et si illos omnino puras deprehendissent, debebant eis perhibere testimonium: sin verò aliqua menda reperissent, illa debebant expungere. Quod cùm illi nunquam fecerint; sed rem suspectam (per tot annos a Caluini obitu) publice categorice et authentice prædicarent magno profecto (socordiæne dicum, an fallaciæ et deceptionis) criminæ se obstrinxerunt. Cuius tu quoque ipse, quo ad tuam familiam reuses. Antonius: at ego meæ familiæ, sicubi dubitant ac quærunt, facile verum sensum operio. Petrus: et illi tibi tenentur credere? Antonius: et de hoc dubitas? Petrus: nam forsan ego quoque tenebor credere tibi, si me in aliquo docueris? Antonius: nullum dubium, si quidem, me Deus illuminauerit: non enim mihi, sed diuino spiritus me docenti credes. Petrus: hem, quàm incohærentia loqueris. Nam primo: quid, si meus spiritus priuatus aliud mihi dictaret, quam tuus tibi? Alterum est, quod tu non teneris credere Papæ, nec concilio, nec Patribus sanctis,

и дѣло спасенія? и именно спрашиваю наставленія Кальвиновы свободны ли отъ всякой погрѣшности? *Антоній:* отвѣтствую тебѣ такъ, какъ и прежде отвѣтствовалъ: свободны, когда и поколику онѣ согласны съ Священнымъ Писаніемъ. *Петръ:* ты опять обращаешься къ прежнему и притомъ опровергнутому. Ибо я о семъ самомъ вопрошаю тебя: наставленія Кальвиновы согласуются ли совершенно во всѣхъ своихъ словахъ съ Священнымъ Писаніемъ, или нѣтъ? отвѣтствуй мнѣ на сіе. *Антоній:* я не изслѣдовалъ ихъ еще отъ слова до слова. *Петръ:* такъ берегись же, чтобы не сдѣлать значительной обиды и Кальвину и Пастырямъ твоей церкви и чтобы вѣра твоя не оказалась неосновательною и сомнительною. Ибо ежели, сказанныя наставленія не иначе свободны суть отъ погрѣшностей, какъ предположивъ и сдѣлавъ напередъ изпытаніе онымъ, а онѣ еще не были разсмотрены: то онѣ подозрительны во лживости, и почему сказанные Пастыри не изпытывали ихъ столь долгое время, и даже не свѣрили съ Священнымъ Писаніемъ? и самъ ты почему не свѣрилъ? но они въ школахъ и на каѳедрахъ просто ихъ читаютъ и проповѣдуютъ. И ты самъ для чего читаешь оныя своимъ дѣтямъ и приказываешь читать? развѣ каждый слушатель (прежде нежели повѣритъ онымъ наставленіямъ) долженъ будетъ всякой разъ при каждомъ словѣ разкрывать книги Св. Писанія и совѣтоваться съ частнымъ духомъ? Если же нѣкоторые можетъ быть сіе сдѣлали, то что будутъ дѣлать возвратившіеся домой

imo nec tuis Superattendentibus et Theologis, nec ipsi Caluino. Quare? Quia sunt homines, et visibiles; et libri illorum siue Institutiones pariter visibiles: ego autem, teneor credere tibi, qui tamen et ipse, æque ut illi, homo es; et visibilis es; et Institutiones tuæ visibiles sunt. O Domine mi, nimis tarde ambo surreximus, ut iam post sedecim centennia, in hoc sæculorum fine, postquam tot Sancti Pontifices (ut tu vis) et Martyres et Patres, et Concilia, vnà cum suis priuatis spiritibus (ut tu quidem prædicas) errarunt, postquam et Reformator ipse vestræ Ecclesiæ et eius successores, certi aut securi nihil attulerunt; sed omnia manent adhuc a te examinanda, ut, inquam, iam nunc ego credam, te solum possidere veritatem, te solum non errare, et tuum priuatum spiritum solum, nec velle, nec posse fallere; licet tot innumerabiles alii spiritus, tot viros pios et sanctos, in plurimos errores induxerint. Nolite credere omni spiritui, sed probate, utrum ex Deo sint. Sed hæc hactenus.

отъ проповѣди поселяне, которые не имѣютъ книгъ Св. Писанія и читать не умѣютъ! ежели то справедливо, какъ ты говоришь: то всѣ Суперинтенденты и Богословы должны были оныя наставленія прежде отъ слова до слова испытать и съ разумомъ частнаго духа повѣрить со Священнымъ Писаніемъ. И ежели бы оныя нашли совершенно чистыми: то должныбъ были издать объ нихъ свидѣтельство. Если же бы нашли какія ошибки, то должны были оныя изключить. Чего поелику никогда не дѣлали, но ученіе подозрительное (въ теченіи столькихъ лѣтъ по смерти Кальвина) всенародно, просто и торжественно проповѣдывая (отъ лѣности ли, сказать, или изъ хитрости и обмана) подвергли себя великому преступленію. Въ чемъ и ты самъ, въ разсужденіи семейства твоего виновенъ. *Антоній:* но я семейству моему коль скоро оно въ чемъ сомнѣвается и вопрошаетъ меня, безъ труда открываю истинный смыслъ. *Петръ:* и оно тебѣ должно вѣрить? *Антоній:* и ты въ етомъ сумнѣваешься? *Петръ:* ибо и я можетъ быть также долженъ буду тебѣ повѣрить, ежели ты въ чемъ либо будешь, давать мнѣ наставленіе? *Антоній:* нѣтъ сомнѣнія, ежели только Богъ просвѣтилъ меня. Ибо ты не мнѣ будешь вѣрить, но духу Божію, научающему меня. *Петръ:* ахъ какъ несогласно ты говоришь. Ибо во первыхъ, что ежели мой частный духъ будетъ мнѣ внушать совсемъ другое, нежели твой тебѣ? Во вторыхъ что ты не обязанъ вѣрить ни Папѣ, ни Собору, ни Святымъ отцамъ, ни даже твоимъ Супер-

интендентамъ и Богословамъ, ниже самому Кальвину. Почему? Потому, что они люди, и притомъ видимые, и книги ихъ или наставленія также видимыя: а я долженъ вѣрить тебѣ, которой однако также, какъ и они, человѣкъ и видимый, и наставленія твои суть видимыя. О Государь мой! слишкомъ поздо оба мы появились на свѣтъ, чтобы я уже послѣ шестнадцати столѣтій, въ семъ изходѣ вѣковъ, тогда какъ столь многіе Святые Папы (какъ ты говоришь), мученики, Святые отцы и Соборы вмѣстѣ со своими частными духами (какъ ты впрочемъ говоришь) погрѣшили, тогда какъ и самъ преобразователь вашей церкви и его преемники ничего не доставили точнаго или вѣрнаго; но все остается еще подлежащимъ твоему изпытанію, чтобы, говорю, теперь уже я повѣрилъ, что ты только одинъ обладалъ истиною, что ты одинъ не заблуждаешься, и что твой только одинъ частный духъ не хочетъ и не можетъ обманывать, не смотря на то, что столь безчисленные другіе духи ввели въ весьма многія погрѣшности столь многихъ благочестивыхъ и Святыхъ мужей. *Не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть* (*). Тѣмъ сіе и кончилось (33).

Ante annos 30 et aliquot, exstruxerant Mosci munitionem, prope Orientalem Oceanum, supra fluuium Singalum, ex qua Regis Cataiensium subditos infestabant, cogendo eos sub tributum. Missa autem a dicto Rege classis ex Oceano, per ostium dicti fluminis, ad munitionem appulit, eamque oppugnare milites cæperunt, tum

Слишкомъ за 30 лѣтъ предъ симъ Москвитяне построили крѣпость близь Восточнаго Океана на рѣкѣ Шингалѣ, изъ которой дѣлали нападенія на подданныхъ Китайскаго Императора, при-

(*) Первое Соборное Посланіе Св. Апостола Іоанна Богослова Глава IV стихи 1, 2 и 3.

tormentis, tum manualibus fistulis igniuomis. Mosci autem, intra parietes se continentes, illorum multos, eiusdem modi iaculis prostrauerunt. Sed cum eis puluis iaculatorius defecisset, munitione relicta, abierunt. Cataienses eos persecuti non sunt; sed munitione demolitâ, ipsi quoque reuersi sunt domos suas.

Verùm quia postmodum ex alia munitione, dicta Nercin, Mosci eosdem Cataiensium subditos (qui Daüri et Nikani dicuntur) vexabant, Rex Cataii, ante 10 circiter annos, ad Nercini præfectum, misit nuntium; qui postulabat, ut præfectus acciperet ab ipso obsides, et concederet ei duos tresue Moscicos milites suos ad Regem perducendos; quia, inquiebat, nostri Regis subditi tributa pensitare (*pendere*) tergiuersantur, eo, quod à uobis etiam, exactione molestentur. Rex autem illis credere nequit; sed ocularibus experimentis vult certiorari, et si ita est, vult per vestros homines *de finibus dirimendis* ad Regem vestrum mandata pacifica perferendare. Præfectus tres concessit milites, qui narrabant se, a Nercino vsque ad Murum et portam Cataii, quatuor hebdomadis; a Muro autem, usque ad Regiam urbem Cambalik, sex hebdomadarum itinere pervenisse. Cumque ad Regem adducti, et ab illo curiose inspecti fuissent, muneribus affecti fuerunt, et mandatum illis, ut suum Regem ad monerent, ut legatum mitteret, cum ponуждая ихъ къ платежу дани. Посланный же отъ сказаннаго Императора изъ Океана флотъ чрезъ устье оной рѣки пристalъ къ крѣпости и солдаты начали оную брать, стрѣляя то изъ пушекъ, то изъ ружей. Москвитяне, скрываясь въ стѣнахъ, многихъ изъ нихъ побили оружіемъ такого же рода. Но когда унихъ не достало пороху, то они оставивши крѣпость, ушли. Китайцы ихъ не преслѣдовали, но разоривши крѣпость, сами также возвратились въ свои домы (34).

Но послѣдку спустя нѣсколько времени Москвитяне изъ другой крѣпости, называемой Нерчинскъ, нападали на тѣхъ же подданныхъ Китайскихъ (которые называются Даурами и Никанцами), то Китайской Императоръ за 10 лѣтъ предъ симъ прислалъ къ Нерчинскому Воеводѣ посланца, которой требовалъ, чтобы Воевода взялъ отъ него заложниковъ и отпустилъ бы съ нимъ двухъ или трехъ своихъ Московскихъ военнослужащихъ для представленія къ Императору. Для того, говорилъ онъ, что подданные нашего Императора отказываются платить подати потому, что они обременены платежемъ оныхъ и отъ васъ. А Императоръ имъ въ томъ не вѣритъ; но желаетъ лично узнать, и ежели ето справедливо, то намѣренъ чрезъ вашихъ людей доставить къ вашему Царю мирныя условія о раздѣленіи границъ. Воевода отпустилъ трехъ солдатъ (35), которые разказывали, что они отъ Нерчинска до стѣны и воротъ Китайскихъ находились въ дорогѣ четыре недѣли, а отъ стѣны до Императорской столи-

testate, cum quo possent Regnorum fines designari, et de tranquilla vicinitate fœdus iniri. Reuersi illi, Mosquam peruenerunt et literas quaque Sinensibus characteribus scriptos attulerunt, (*sed*) quarum lector reperiri nullus potuit. Elapso deinde fere triennio, misit Mosciæ Rex illuc legatum quemdam Græcum connomento Spatharium, cum potestate *Hercis cundorum* finium et fœderis defutura negotiatione ineundi. Is cum Tobolino transiret, narrabat adfuisse Mosquæ duos societatis Iesu sacerdotes, Sedis Apostolicæ Missionarios, qui Regi supplicabant, ut liceret eis cum dicta legatione Pekinum proficisci. Verùm quia incertum erat, qualem legatio exitum sortitura esset (cum et via eatenus ignoraretur) dictis patribus facultas illa nonfuit concessa; sed missi fuerunt per Astrachaniam in Persiam. Mihi tamen dicebat Spatharius: serenissimus præcepit, ut in reditu, si qui Societatis Iesu patres Pekino uoluerint mecum in Europam reuerti, ut illos quotquot fuerint, assumam, et liberaliter tractem. Peruenit ille ad Cataium, et cum Murum penetrasset, rescripsit Mosquam. Quid postmodum de illo factum sit, mihi non constat.

цы Камбалика шесть недѣль. Когда же приведены были къ Императору и отъ него съ любопытствомъ осмотрѣны, то получили подарки, и приказаніе просить своего Царя, чтобы онъ прислалъ уполномоченнаго посла, съ которымъ бы можно было назначить границы Государствъ и заключить союзъ, о спокойномъ сосѣдствѣ. Они возвратившись оттуда прибыли въ Москву и привезли Грамоту, писанную на Китайскомъ языкѣ, но которой однако никто не могъ прочитать. Потомъ по прошествіи почти трехъ лѣтъ отправилъ Московскій Царь туда посломъ нѣкотораго Грека, по прозванію Спаѳарія, съ полномочіемъ войти въ переговоры о назначеніи границъ и заключить договоръ о будущей торговлѣ. Онъ проѣзжая чрезъ Тобольскъ, разказывалъ, что въ Москвѣ были два Іезуита, Папскіе Миссіонеры, которые просили Царя, чтобы имъ позволено было ѣхать съ онымъ посольствомъ въ Пекинъ. Но такъ какъ не извѣстно было, какой успѣхъ будетъ имѣть посольство (поелику и дорога туда до того времени была не извѣстна), то помянутымъ Отцамъ таковаго позволенія дано не было; а посланы они были чрезъ Астрахань въ Персію. Однако (говорилъ Спаѳарій) Государь приказалъ мнѣ, чтобы я при возвращеніи, ежели которые Отцы Іезуиты пожелаютъ возвратиться изъ Пекина въ Европу, всѣхъ, сколько ихъ будетъ, взялъ съ собою и содержалъ бы хорошо въ пути. Онъ прибылъ къ Китаю и когда пропущенъ былъ чрезъ стѣну, то отписалъ о томъ въ Москву. Что же съ нимъ случилось послѣ того, мнѣ не извѣстно (36).

Ante annos 20 et plures, in oppido Ienisseio, militum Tribunus erat quidam Polonus. Cuius sororem virginem, cumquidam Prætor defloraſſet, indignatione ille ex fædo facinore commotus socios ad seditionem concitauit. Qui proinde Prætore trucidato et Mercatorum tabernis direptis, oppido excedentes, ad austrum perrexerunt, et emensi multorum dierum iter, supra fluuium dictum Abazin munitionem construxerunt. Cumque per decennium habitationem sibi firmassent, misso Mosquam donatiuo Regiæ Maiestati supplicabant, ut admissi facinoris culpam ipsis ignosceret; se vero spondebant, quotannis tributa à prouincialibus exacturos, ac ad Regem missuros. Rex igitur, venia illis data, prædictum tribunam prætoris titulo ornauit, et Ienessejensi prætori mandauit, vt illis, de necessariis, quibus indigerent, prouideret.

Horum exemplum paucos post annos, secutus est miles quidam gregarius, in oppido Krasnoiaro. Collegit turmam sociorum, sed absque scelere, et ad austrum longe progressi peruenerunt ad flumen Selengam, quod cum piscosum ualde et solum egregie frugum ferax animaduertissent: munitionem extruxerunt, et exactis aliquot annis, ad Regem miserunt nuntios cum muneribus (in quibus erat, ipsemet negotii auctor a nobis visus et nobis collocutus) postulabantque in protectionem suscipi, pollicentes tributa pensitare. Rex itaque etiam horum postulationi liberaliter annuit.

За 20 и болѣе предъ симъ лѣтъ въ городѣ Енисейскѣ былъ одинъ Полковникъ Полякъ. Когда нѣкоторой Воеводa изнасиловалъ сестру его дѣвицу, то онъ побуждаемый негодованіемъ за сіе гнусное злодѣяніе, склонилъ своихъ товарищей къ заговору. А потому они умертвивъ Воеводу и разграбивъ купеческія лавки, выходя изъ города, направили путь къ востоку, и шедши нѣсколько дней, на рѣкѣ Абазинѣ построили Авачинскую крѣпость. И когда въ продолженіе десяти лѣтъ утвердили тамъ свое жительство, тоославъ въ Москву подарки, просили Царское Величество, чтобы простилъ ихъ въ учиненномъ преступленіи, и обѣщались ежегодно съ провинціальныхъ жителей собирать подати и присылать къ Царю. И такъ Царь простивъ ихъ, вышесказаннаго Полковника почтилъ титломъ Воеводы, и повелѣлъ Енисейскому Воеводѣ снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ, въ чемъ только они будутъ имѣть недостатокъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ сему примѣру послѣдовалъ одинъ рядовой солдатъ въ городѣ Красноярскѣ. Онъ собралъ ро́ту товарищей, но не сдѣлавъ никакого преступленія, и прошедши далеко къ востоку, достигъ съ ними до рѣки Селенги. Коль скоро замѣтили, что она очень изобильна рыбою и земля тамъ весьма плодоносна: то выстроили крѣпость и по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, отправили къ Царю съ подарками пословъ (между коими былъ и самъ начинщикъ дѣла, мною видѣнный и со мною разговаривавшій) просить о принятіи ихъ подъ покровительство, обѣщаясь платить подати.

И такъ Царь и на прозьбу ихъ охотно согласился (37).

Quoniam vero Regnum illud, quod mœnibus cinctum narratur (*traditur*), Lusitani Chinam, siue Sinam et vrbem Regiam Pekinum; Scythæ vero et Mosci Regionem Kitaj, urbem Kambalik vocitant: dubium erat, utrum ista unum, an diuersa Regna essent. Sed postmodum (non ita pridem) innotuit: Kitaj nihil aliud esse, quam Sinam; et Kambalik esse Pekinum.

А поелику оное царство, которое, какъ повѣствуютъ, ограждено стѣнами, Португальцы называютъ Хиною или Синою, а Императорскую столицу Пекиномъ, Скиѳы же и Москвитяне страну Китаемъ, а столицу Камбаликомъ; то и сомнительно было, одно ли ето, или разныя Государства. Но послѣ (не такъ давно) стало извѣстно, что Китай не что иное есть, какъ Хина, а Камбаликъ есть Пекинъ (38).

Alterum dubium erat: vtrum mare glaciale sit contiuuum cum Oceano Ortuali, qui ab ortu Sibiriam, et inter medias australiores prouincias Daüriam et Nikaniam, ac tandem Regnum Sinæ alluit? an vero aliquo, a Sibiria ad ortum, exporrecto continentis terræ tractu, maria ista dirimantur, Glaciale scilicet ab Ortuali siue Sinensi? Sed hoc dubium nouissime resolutum est à militibus Prouinciæ Lenensis et Nercinensis, qui tributorum exigendorum causâ totam illam oram, usque ad Oceanum peragrarunt, et affirmant nullum terræ tractum exporrigi ad ortum, nec dicta maria dirimi, sed Sibiriam, Daüriam, Nikaniam et Kitajum, siue Sinam, vno continuo Oceano, ab ortu allui.

Другое было сомнѣніе, соединено ли Ледовитое море съ восточнымъ Океаномъ, которой съ востока обтекаетъ Сибирь, среднія полуденныя области, Даурію и Никанію, а наконецъ царство Китайское; или какимъ либо простирающимся отъ Сибири на востокъ протяженіемъ матерой земли сіи моря между собою раздѣляются, то есть Ледовитое отъ восточнаго или Китайскаго? Но сіе сомнѣніе въ недавнемъ времени разрѣшено козаками Ленской и Нерчинской провинцій, которые для собиранія податей изходили весь оный край даже до самаго Океана, и утверждаютъ, что нѣтъ никакого протяженія земли къ востоку, и что сказанныя моря не отдѣляются одно отъ другаго, но Сибирь, Даурія, Никанія и Китай или Хина окружаются съ востока однимъ безпрерывнымъ Океаномъ (39).

Cum vero a nonnullis quæreretur, anne possent naues, a portu Sancti Michælis Archangeli, vel certe ab ostio fluminis Obiæ et ab oppido Brezouia, legendo continue, Sibiriæ, Dauriæ, Nikaniæque

Когда же нѣкоторые спрашивали, могутъ ли корабли изъ гавани Архангельской или изъ устья рѣки Оби и отъ города Березова, плывъ безпрестанно около береговъ Сибири, Даурiи и Никанiи

latera ad Katajum appellére? Respondebant dicti milites: in mari glaciali, glaciem nunquam perfecte liquefieri; sed per totam æstatem, ingentia et frequentia glaciei frusta pelago innatare, seque inuicem collidere; quæ apta sint (præsertim vento flante) quascunque naues euertere.

Quod si (*vero*) quis obiecerit: quomodo igitur ex Cataio naues per Singali ostium, in Nikaniam penetrarunt, sicut retulimus ante? Nouerit ille Singulum esse præmari glaciali permultum austro viciniorem et synclimaticum Calmutiæ, in qua aqua stagnans, æstate præ solis calore, in salem densatur: ideoque non est mirum si et glacies Oceani, in eodem climate, perfecte liquescat, aut nulla concrescat. Cum igitur nulla appareat, commoditas, ut ex aliqua Sibiriæ, aut Russiæ statione possent naues in Indiam penetrare, reliquum est, ut videatur id esse possibile in littoribus Daüriæ, aut Nikaniæ, circa Singali, Abazini, Selengæ, aut alterius fluminis ostia: quod ortuali influat Oceano.

прибыть въ Китай, то помянутые козаки отвѣтствовали: что въ Ледовитомъ морѣ никогда ледъ совершенно не разтаиваетъ; но во все лѣто величайшія и весьма многія глыбы льду плаваютъ по морю и между собою встрѣчаются, которыя въ состояніи (а особливо при вѣтрѣ) разрушить всякой корабль.

Если же бы кто возразилъ: какимъ же образомъ корабли изъ Китая чрезъ устье рѣки Шингала достигли до Никаніи, какъ сказано выше? Да будетъ тому извѣстно, что рѣка Шингалъ въ разсужденіи Ледовитаго моря гораздо ближе къ югу и въ одномъ климатѣ съ Калмыцкою землею, и что стоящая вода лѣтомъ отъ солнечнаго зноя сгущается въ соль: и потому неудивительно, ежели ледъ Океана въ томъ климатѣ совершенно разтаиваетъ, или и совсемъ онаго не бываетъ. И такъ когда нѣтъ никакой удобности, чтобы изъ какого либо мѣста Сибири или Россіи могли корабли переплывать въ Индію, то можно сіе сдѣлать (40), отъ береговъ Дауріи или Никаніи около Шингала, Абазина, Селенги или устья другой рѣки, которая впадаетъ въ восточный Океанъ.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ

ПОВѢСТВОВАНІЮ О СИБИРИ.

(1) Здѣсь разстояніе между Москвою и Соликамскомъ чрезмѣрно увеличено; ибо далѣе видно, что сочинитель полагаетъ въ милѣ пять Россійскихъ верстъ. Слѣдовательно въ 500 миляхъ содержится того времени верстъ тысячесаженныхъ 2500, а нынѣшнихъ пятисотныхъ 5000 верстъ. По новѣйшему же измѣренію отъ Москвы до Соликамска считается только 1994 версты.

(2) Соляныя варницы въ г. Соликамскѣ, въ послѣдствіе времени, за скудостію разсоловъ остановлены; но въ уѣздѣ онаго существуютъ и принадлежатъ казнѣ и частнымъ людямъ.

(3) Здѣсь разумѣется Уральскій хребетъ, составляющій естественную границу между Европою и Азіею.

(4) Если приводимыя сочинителемъ мили заключаютъ пять тысячесаженныхъ верстъ, то показанное имъ здѣсь разстояніе почти вдвое увеличено: ибо, отъ Верхотурья до Тобольска только 612 нынѣшнихъ верстъ.

(5) По новѣйшимъ измѣреніямъ отъ Москвы до Тобольска 2326, а отъ Тобольска до г. Нерчинска 3930 пятисотныхъ верстъ: не много болѣе $\frac{1}{3}$ противъ перваго разстоянія. Причиною медленной ѣзды изъ Тобольска въ Даурію, въ прежнія времена, не столько была отдаленность, сколько неисправность дорогъ. Въ послѣдствіе дѣятельностію Сибирскаго Губернатора Д. И. Чичерина и другихъ попечительныхъ о благѣ тамошняго края начальниковъ, дороги сіи приведены въ толь хорошее состояніе, что не больше требуется времени на переѣздъ изъ Тобольска въ Нерчинскъ, какъ и въ Москву, особенно зимою, когда Байкалъ не дѣлаетъ остановки.

(6) Такъ сказано въ Сибирскихъ Лѣтописяхъ *Есиповской* и *Ремезовской* и повторено Миллеромъ, Фишеромъ и другими писателями, что Ермакъ съ товарищами бѣжали въ Сибирь, гонимые Царскими воеводами; но приобрѣтенная и изданная мною *Лѣтопись Сибирская* утверждаетъ: «И тіи людіе (Строгановы), слышавъ то про ихъ (Ермака съ товарищами) буйство и храбрость, и людей своихъ съ писаніемъ и съ дары многими послаша къ нимъ, дабы шли къ нимъ въ вотчины ихъ въ Чусовскіе городки и въ острожки на спомоганіе имъ. И они же вельми сему возрадовашася, яко посланніи пріидоша къ нимъ отъ честныхъ людей и званіе ихъ къ себѣ на помощь; тогда атаманы и казаки Ермакъ Тимоѳеевъ съ товарищи . . . . вскорѣ шествіе учиниша къ нимъ.» Исторіографъ нашъ Н. М. Карамзинъ основывается на сей же послѣдней Лѣтописи, названной имъ *Строгановскою* (см. И. Г. Р. IX, стр. 380 и 381).

(7) См. жалованныя грамоты, данныя отъ Царя Іоанна Васильевича Строгановымъ, Лѣтописи Сибирской (Строгановской) стр. 3 — 13.

(8) Въ Лѣтописи Сибирской (Строгановской) (стр. 17 и 18) сказано: «Въ лѣто 7090 (вѣроятно 7091 или 1582 отъ Р. Х., слѣдуя грамотѣ Царя Іоанна Васильевича къ Строгановымъ отъ 16 Ноября 1582 г.) году Сентября въ 1 день..., послаша изъ городковъ своихъ Строгановы, въ Сибирь на Сибирскаго Салтана Волскихъ атамановъ и казаковъ Ермака Тимоѳеева съ товарищи и съ ними собравъ изъ городковъ своихъ рашныхъ людей, Литвы, и Нѣмецъ, и Татаръ и Русскихъ людей . . . . и того ихъ собранія учредиша 840 человѣкъ буйственныхъ и храбрыхъ; и отпѣвше соборнѣ молебная пѣнія . . . и удоволиша ихъ мздою, и одѣяніи украсиша ихъ и оружіемъ огненнымъ: пушечки и скорострѣльными пищалми семипядными и запасы многими, и всѣми сими довольно снодобиша ихъ, и вожевъ вѣдущихъ той Сибирскій путь, и толмачевъ бусурменскаго языка имъ даша, и отпустиша ихъ въ Сибирскую землю съ миромъ».

(9) Слѣдуя сему Ермакъ и товарищи его совер-

шли путь отъ Вычегды до Тобола зимою; отшуда же достигли Иртыша лѣтомъ на построенныхъ ими лодкахъ. Сіе противоречитъ *общему мнѣнію*, утверждающему, что они *плыли* отъ Строгановыхъ городковъ до Сибири по Чусовой и проч., основанному болѣе всего, кажется, на *баснословной* Ремезовской Лѣтописи, безъ уваженія мѣстныхъ обстоятельствъ. Извѣстно, что Строгановы дѣйствительно около того времени жили въ Соль-Вычегодскѣ; въ писцовыхъ книгахъ (см. Слов. Географ. Щекатова V, стр. 1093) сказано: «въ 7087 (1579) году Маія 25 дня, у *Соли* былъ пожаръ *Строганова*, сгорѣло 500 дворовъ да 10 церквей. Въ Лѣтописи Сибирской (Строгановской) походъ Ермака въ Сибирь описывается (стр. 18 и 19) слѣдующимъ образомъ: «Атаманы же и казаки идоша по Чусовой рѣкѣ въ верьхъ до усть (устья) Серебряныя рѣки четыре дни, и по Серебряной идоша два дни и дойде Сибирскія дороги и ту городокъ земляной поставиша, и назва его Ермаковъ Кокуй городокъ, и съ того мѣста перевезеся 25 поприщь за волокъ на рѣку, рекомую Жаравли, и по той рѣцѣ поидоша въ низъ и вышедъ на Туру рѣку: ту бѣ и Сибирская земля.» Далѣе (стр. 26): «Въ лѣто 7090 году Сентября въ 9 день пріидоша воини въ ту Сибирскую землю безстрастни, и многіе Татарскіе городки и улусы покоевали въ низъ по Турѣ, и дойдоша до Тавды рѣки въ мужествѣ.» .... Здѣсь очевидно, что 9 день Сентября относится только къ пришествію Ермака съ товарищами въ Сибирскую землю (какъ замѣчаетъ и Г. Исторіографъ нашъ И. Г. Р. IX, прим. 675), и что о завоеваніи Татарскихъ городковъ и улусовъ и о достиженіи рѣки Тавды упоминается, какъ о дальнѣйшихъ событіяхъ. Не взирая на сіе, нѣкоторый *Тобольской критикъ*, въ присланныхъ имъ замѣчаніяхъ на Лѣтопись Сибирскую утверждаетъ, что будто бы въ семъ мѣстѣ Лѣтописи разумѣется пришествіе атамановъ и козаковъ въ 9 дней на рѣку Тавду: каковое движеніе въ столь коротское время на такомъ большомъ пространствѣ и самъ онъ почитаетъ, по справедливости, совершенно невозможнымъ. Наконецъ повѣствуетъ Лѣтопись Сибирская (стр. 31 и 32), что Сибирскій Царь Кучумъ, узнавъ о вторженіи Русскихъ воиновъ въ его владѣнія, выслалъ противъ ихъ сына своего Маметкула съ воинствомъ, которой сразился съ ними при урочищѣ Бабасанѣ, въ 30 верстахъ выше устья Тавды, гдѣ Ермакъ и товарищи его имѣли уже свои *остроги* «и въ то время быстъ брань жестока съ Татарскими вои, и паденіе отто обоихъ странъ много множество. Поганіи же видѣвше вои своихъ веліе паденіе предъ Русскими вои, и вдашася бѣгству. Русіи же казацы поидоша по рѣкѣ Тоболу и пойдоша подъ гору; поганіи же начаша стрѣляти съ горы, и съ верьху падоша стрѣлы на *струги* ихъ, аки дождь, и та мѣста проидоша ни чимъ не врежени отъ Татаръ.»

(10) Остатки города или врѣпости, гдѣ жилъ Кучумъ, существуютъ донынѣ, въ 16 верстахъ выше Тобольска. Татары называютъ бывшій здѣсь городъ Искеромъ, Русскіе Сибирью, а въ Тобольской (т. е. Ремезовской) Лѣтописи упоминается объ немъ подъ именемъ Кашлыка.

(11) Сіи извѣстія сочинителя (отъ примѣч. 10) несогласны съ Сибирскими Лѣтописями. Тамъ сказано, что Ермакъ убитъ или утонулъ 1584 года, въ ночи съ 5 на 6 число Августа; что съ увѣдомленіемъ о взятіи Сибири, посланъ былъ въ Москву атаманъ Иванъ Кольцо, самимъ Ермакомъ; что Кучумъ не только пережилъ паденіе своего царства, но долго послѣ того безпокоилъ Россіянъ въ Сибири своими набѣгами, и еще въ 1598 году отправлены были противъ него изъ Тары подъ предводительствомъ Князя Мосальскаго 1000 человѣкъ вооруженныхъ, которые побили великое множество Татаръ, самъ же Кучумъ спасся бѣгствомъ къ Киргизъ-Кайсакамъ, либо къ Нагайцамъ; что не убитъ, а только взятъ былъ въ плѣнъ, по приказанію Воеводы Данилы Чулкова, не сынъ Кучума, но Князь Сейдякъ, которой по оставленіи города Сибири Россіянами, завладѣлъ было онымъ, изгнавъ оттуда Кучумова сына Алея.

(12) Тогда извѣстны уже были почти всѣ рѣки и далѣе Лены, именно: въ 1630 году открыта была Лена, а въ 1631 построенъ на берегу ее Енисейскимъ козачьимъ сотникомъ *Бекетовымъ* (котораго, вѣроятно, видѣлъ и сочинитель сего повѣствованія, въ бытность свою въ городѣ Енисейскѣ), острогъ, наименованный въ 1636 городомъ; въ 1637 г. найдена была рѣка Оленекъ; въ 1638 рѣки: Яна, Индигир-

ка и Алазея; въ 1644 р. Колыма; въ 1649 р. Погыча или Анадырь.

(13) Царскимъ указомъ въ 1672 году, повелѣно было, Воеводѣ и всѣмъ Мангазейскимъ жителямъ, оставя ихъ городъ, по многимъ неудобствамъ, переселиться въ Туруханскъ.

(14) Ни Калмыки, ни другіе Сибирскіе народы, кажется, не имѣютъ столь слѣпой довѣренности къ Шаманамъ, по крайней мѣрѣ нынѣ. Они знаютъ, что Шаманъ въ предсказаніяхъ своихъ легко можетъ ошибаться, и многіе прилѣплены къ симъ обманщикамъ болѣе по привычкѣ, нежели по вѣрѣ.

(15) Не справедливо, чтобы Воеводы въ Сибирскихъ городахъ смѣнялись чрезъ каждые три года. Не приводя многихъ на то опроверженій, довольно сказать, что почти въ бытность самаго сочинителя (1665 + 1680 г.) въ Сибири, Стольникъ Князь Алексѣй Ивановичь Буйносовъ-Ростовскій былъ Воеводою въ Тобольскѣ 8 лѣтъ — съ 1656 по 1664, и Алексѣи Ивановичь Сумароковъ въ Красноярскѣ 10 лѣтъ съ 1666 по 1676 годъ. Впрочемъ многіе изъ Воеводъ за лихоимство и по другимъ причинамъ смѣнялись и прежде трехъ лѣтъ.

(16) Сибирская соха почти такая же, какъ и Россійская, кромѣ того, что оная тяжелѣе и сошникъ имѣетъ большою частію одинакой, а полицу деревянную, неподвижную. По причинѣ такого устройства сохи, обыкновенно начинаютъ пахать съ средины назначеннаго мѣста (загона) и по окончаніи каждой борозды переѣзжаютъ на край пашни; гдѣ сдѣлавъ новую борозду возвращаются къ прежнему мѣсту. Употребленіе желѣзной обыкновенной полицы, перекладываемой при всякой бороздѣ на другую сторону сохи, кажется, отвратило бы сіе неудобство и трату времени и трудовъ на напрасные переѣзды по концамъ пашни.

(17) Вѣроятно сочинитель разумѣетъ здѣсь, такъ называемую *горбушу*, употребляемую повсюду въ Сибири для сѣнокошенія; но дѣлаетъ ей не очень вѣрное описаніе. Лезвее сего рода косы почти имѣетъ видъ серпа, не много только его побольше. Оно врѣзывается въ рукоятку нѣсколько закривленную и прикрѣпляется къ ней завитымъ вокругъ ремнемъ или лыкомъ съ помощію клина. Горбушею косятъ высокую траву и въ одно время съ обѣихъ сторонъ, а для низкой травы употребляютъ обыкновенную косу, извѣстную въ Сибири подъ именемъ *литовки*.

(18) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сибири, и особенно по р. Оби около города Нарыма, промыселъ кедровыми орѣхами довольно важенъ. Орѣхи сіи употребляются въ пищу и на битье масла, которое очень вкусно, но скоро горкнетъ.

(19) Кречетъ (Falco gyrfalco), хищная и ловчая птица; съ верьху покрытая перьями бѣлыми съ темными пятнами; клювъ, окружающая оной при основаніи перепонка и ноги блѣдносиніе; глаза лазоревые. Длина: всей птицы отъ клюва до хвоста одинъ Парижскій футъ 9 дюймовъ и 6 линей; клюва одинъ дюймъ и 5 линей; хвоста 9 дюймовъ. Отъ одного конца разпущенныхъ крыльевъ до другаго 4 фута.

(20) Въ прежнія времена, не только путешественники; но купеческіе товары и даже войска съ провіантомъ и орудіями отправляемы были до Иркутска, по рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу, Оби и Кети, потомъ по перевозкѣ чрезъ Маковской волокъ, 90 верстъ, по Енисею и Ангарѣ. Болѣе половины столѣтія, какъ сей путь трудной, со многими безпокойствами и даже опасностію сопряженный, и болѣе на порогахъ Ангарскихъ, почти совсемъ оставленъ. Теперь всѣ тяжести перевозятся сухопутно, начиная отъ Уральскаго хребта чрезъ города: Тобольскъ или Ишимъ, Каинскъ, Томскъ, Красноярскъ и Нижнеудинскъ. Небольшое только число судовъ съ товарами, собственно для Енисейска и Туруханска, отправляется иногда водою изъ Тобольска и Томска до Маковской пристани, равномѣрно и отъ Иркутска до Енисейска и далѣе, съ казенными и купеческими тяжестями. Издавна было предположеніе соединить Обь съ Енисеемъ, посредствомъ Кети или Тыма и Сыма; тогда открылось бы свободное водяное сообщеніе почти отъ Кяхты до Урала, особливо, если по возможности, разчистить, Ангарскіе пороги; но города, лежащіе на трактовой Сибирской дорогѣ, лишились бы многихъ выгодъ, получаемыхъ нынѣ отъ сухопутной перевозки товаровъ.

(21) Обыкновенный жрецъ называется у Калмыковъ и Монголовъ *Лама;* мѣстный начальникъ Духовенства *Гылунъ;* а первенствующій жрецъ *Гыгень* или *Хутухта*.

(22) Если Калмыки и другіе народы, такъ называемой Шигемоніанской вѣры, почитаютъ за великой грѣхъ убивать безъ нужды самыхъ безсловесныхъ животныхъ и даже гадовъ, то могло ли у нихъ существовать столь гнусное обыкновеніе, какое проводитъ сочинитель, и которому нѣтъ примѣровъ между самыми дикими и варварскими народами.

(23) Употребляемыя Калмыками и прочими Шигемоніанами чотки, бываютъ изъ жемчуга и драгоцѣнныхъ камней, а болѣе изъ дерева, плодовъ, либо изъ иныхъ тому подобныхъ веществъ. Оныя состоятъ девять разъ изъ двѣнадцати, или изъ ста осьми корольковъ, по числу главнѣйшихъ бурхановъ. Знатные люди стараются доставать изъ Китая чотки, выточенныя изъ нѣкотораго дерева, съ шестью къ центру простирающимися, на подобіе лучей, слоями, въ ознаменованіе шести словъ, заключающихся въ упоминаемой сочинителемъ Индійской молитвѣ. Я имѣю у себя чотки сего рода, полученныя мною отъ одного Бурята, принявшаго Христіанскую вѣру.

(24) Липсій (Юстъ), критикъ, родился въ Ичѣ близъ Брисселя въ 1547 году, умеръ въ Левенѣ (Louvain) въ 1606 году. Онъ былъ весьма ученый человѣкъ; но къ сожалѣнію не твердый въ мнѣніяхъ своихъ о вѣрѣ. Сперва былъ онъ Католикомъ, потомъ сдѣлался Протестантомъ и былъ защитникомъ гоненій за вѣру и права наказывать людей за ихъ мнѣнія. Извѣстнѣйшія сочиненія его суть: 1. Толкованія на Тацита; 2 Saturnalia; 3 De Militia Romana; 4 De Constantia; 5 Variæ lectiones; 6 De Una Religione; 7 De Cruce; 8 Разсужденіе о Библіотекахъ.

(25) Бояринъ Борисъ Ивановичь Морозовъ, воспитатель Царя Алексѣя Михайловича, обладалъ острымъ умомъ, былъ усерденъ къ Государю; но сіи качества помрачилъ страстью къ обогащенію. Вступая въ откупа, отягощавшіе народъ, онъ возбудилъ противъ себя недовѣріе и ненависть. Въ третій годъ своего царствованія, на девятнадцатомъ году отъ рожденія, Царь Алексѣй Михайловичь вступилъ въ супружество съ Марьею Ильиничною, дочерью Ильи Даниловича Милославскаго. Вскорѣ послѣ сего и Морозовъ сочетался бракомъ съ младшею сестрою Царской супруги (см. Русской Исторіи *Сергѣя Глинки* Ч. 6, стр. 55.).

(26) Здѣсь разумѣется, вѣроятно, Ямышевское озеро, находящееся въ 7 верстахъ отъ Иртыша. Оно пріобрѣтено отъ Калмыковъ Тобольскими козаками въ 1613 году и до открытія Коряковскаго и другихъ озеръ снабжало солью всю западную Сибирь. Окружность его составляетъ 10 верстъ. Ходя соляной черепъ и разсолъ сего озера совершенно чисты, однако же поверхность его при ясной погодѣ представляется издали багровою: что происходитъ отъ преломленія (рефракціи) солнечныхъ лучей.

(27) На какомъ основаніи въ прежнія времена Сибирскіе жители покупали и вымѣнивали Калмыковъ и другихъ Азіатцевъ не извѣстно. Указомъ же Правительствующаго Сената, состоявшимся по доношенію Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ 1757 года Ноября 5 повелѣно: «покупаемымъ у Киргизъ-Кайсаковъ Азіатскимъ плѣнникамъ Россійскими купцами быть за ними вѣчно и давать на нихъ выписи. Потомъ Высочайшими указами: 1808 Мая 23 дозволено покупать и вымѣнивать Киргизскихъ дѣтей обоего пола; но оные по достиженіи 25 лѣтняго возраста, всѣ безъ изъятія должны быть свободны; а 1819 года Февраля 13 дня сила сего указа распространена на будущее время и на вымѣниваемыхъ у Киргизовъ Калмыковъ и другихъ Азіатцевъ.

(28) Чай начали употреблять въ западной Европѣ съ 1680 года; но въ Россіи гораздо прежде. Въ 1674 году Кильбургеръ покупалъ уже оный въ Москвѣ по 30 коп. фунтъ.

(29) На нѣкоторыхъ древнихъ Сибирскихъ могилахъ (курганахъ) находятся высокія насыпи, на другихъ поставлены огромные камни или наложены груды камней, на многихъ же ростутъ деревья и кустарники, и что удивительнѣе всего, то въ самыхъ даже безплодныхъ пустыняхъ, ничего не производящихъ кромѣ сухой солонечной травы; а потому въ отысканіи сихъ могилъ нѣтъ никакого затрудненія. Но въ отличеніи богатыхъ могилъ отъ бѣдныхъ гробокопатели имѣли особенный навыкъ и искусство, подобные тѣмъ, какими прославились полчища новаго Ксеркса нашихъ временъ, въ раз-

сужденіи открытыхъ спрятанныхъ сокровищъ, угнетенными отъ сихъ полчищъ народами, которые въ самомъ дѣлѣ можно почесть въ нѣкоторомъ отношеніи за чародѣйства. Вообще замѣтно какъ изъ сего, такъ и изъ прочихъ мѣстъ повѣствованія, что сочинитель вѣрилъ чистосердечно чародѣйству и другимъ столь же смѣшнымъ и глупымъ обманамъ.

(30) Іоаннъ Карамуилъ Лобковицъ родился въ Мадритѣ въ 1606 году отъ отца Фландрской націи и матери Нѣмки. Онъ былъ сперва Аббатомъ Мельрозскимъ въ Нидерландахъ, потомъ Епископомъ въ Мисси; послѣ того, по особенному нѣкоторому случаю, изъ простаго солдата сдѣлался Инженеромъ и Интендантомъ Богемскихъ укрѣпленій, наконецъ опять Епископомъ. Онъ былъ попеременно Епископомъ въ Конигсгрецѣ, въ Кампано и Вижевано. Въ семъ послѣднемъ городѣ и умеръ въ 1682 году, 76 лѣтъ отъ рожденія. Говорили о Карамуилѣ, что онъ получилъ отъ природы дарованія осьмой степени, краснорѣчіе пятой, а разсудокъ второй. Онъ часто вмѣшивался въ разсужденія о нравственной Богословіи; былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ защитниковъ вѣроятности, въ пользу которой издалъ защитительное слово. Кромѣ сего есть много и другихъ его сочиненій, которымъ списокъ можно видѣть въ 29 томѣ Записокъ служащихъ для исторіи знаменитыхъ ученыхъ людей О. Ницерона.

(31) Іоаннъ Микрелій (Micrelius) Нѣмецкій Богословъ, родился въ Помераніи въ 1597 году, умеръ въ Штетинѣ въ 1658. Извѣстнѣйшія его сочиненія суть: 1 Ethnophronius contra gentiles de principiis religionis Christianæ; 2 Contra Iudeicas depravationes; 3 Lexicon Philosophicum; 4 Подразумѣваемое здѣсь сочиненіе *Syntagma historiarum ecclesiæ* и 5 Syntagma historiarum politicarum.

(32) Хотя въ слѣдующемъ разговорѣ двухъ иновѣрцевъ изъясняются однѣ только противныя мнѣнія о нѣкоторыхъ предметахъ ученія ихъ церквей (Римской и Реформатской); но я не разсудилъ исключать сего разговора изъ *Повѣствованія о Сибири*, желая сохранить цѣлость сего любопытнаго сочиненія и болѣе показать характеръ сочинителя. — Впрочемъ свято чтя духъ истинной Христіанской терпимости и миролюбія, благодатію Божіею сохраняющійся въ нашей Россійской церкви.

(33) О предметахъ представленнаго здѣсь спора между Католикомъ и Реформатомъ ясно изложено ученіе Православной Греко-восточной церкви во многихъ Богословскихъ книгахъ, изъ которыхъ укажемъ здѣсь на три, намъ болѣе извѣстныя: 1 *Православное Исповѣданіе Вѣры Соборныя и Апостольскія церкви, сочиненное Адріаномъ Патріархомъ*; 2 *Камень вѣры Православныя Каѳолическія восточныя церкви*, соч. Стефана (Яворскаго) Митрополита Рязанскаго и 3 *Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о Православіи восточной Греко-Россійской церкви*, написанные Преосвященнымъ Филаретомъ, нынѣшнимъ Архіепископомъ Московскимъ.

(34) Извѣстно, что Русскіе подъ предводительствомъ козака Онуфрія Степанова, на рѣкѣ Шингалѣ впадающей въ Амуръ, въ 1654 году имѣли бой съ Китайцами, приплывшими туда на судахъ, но по малочисленности своей и недостатку пороха были сими послѣдними побѣждены, и Степановъ съ немногими людьми принужденъ былъ удалиться съ сей рѣки также на судахъ подъ парусами, въ верьхъ по Амуру. Не извѣстно однако же существовала ли тамъ когда-нибудь крѣпость, но по Амуру было нѣсколько нашихъ остроговъ и укрѣпленій, которые всѣ разорены Китайцами.

(35) О посланцѣ отъ Китайскаго Богдо-Хана къ Нерчинскому Воеводѣ, равно и объ отправленіи съ нимъ въ Китай трехъ солдатъ, я не отыскалъ никакихъ свѣдѣній. Можетъ быть Сочинитель не разумѣетъ ли здѣсь отправленіе трехъ пословъ нашихъ, бывшее въ 1649 году при первомъ Богдо-Ханѣ Манджурскаго племени Шунь-джи, для возстановленія съ Китайцами торговли, и когда Манджурскій пограничной владѣтель Джу-Ханди прислалъ къ Россійскому Царю Грамоту (оставшуюся по невѣдѣнію языка долго безъ перевода) съ подарками и приглашеніемъ Русскихъ купцовъ ѣздить въ Китай для торговли; слѣдствіемъ чего была посылка въ Китай сынъ-боярскаго Байкова (см. описаніе пушеш. его въ Сиб. Вѣст. 1820).

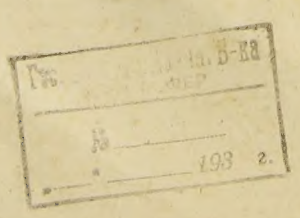
(36) Николай Гавриловичъ Спаѳари, родомъ Молдаванецъ, переводчикъ Посольскаго Приказа, от-

правленъ былъ въ Китай Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1675 году, съ Грамотою о взаимныхъ сношеніяхъ и дружбѣ съ Китайскимъ Государствомъ. Сверхъ того поручено ему было, возвратить Китайскому Правительству, посланную къ Нерчинскому Воеводѣ Грамоту, оставшуюся по незнанію Манджурскаго языка безъ перевода, для преложенія ее на Латинскій языкъ и ходатайствовать: 1) чтобы впредь при Грамотахъ Китайскихъ прилагаемы были Латинскіе переводы и назначена была форма для *титулованія* Богдо-Хана; 2) объ отправленіи посланника Китайскаго въ Россію и о продолженіи на всегда торговли; 3) о возвращеніи Русскихъ военноплѣнныхъ и самовольно въ Китай перебѣжавшихъ, на перемѣну Китайскихъ въ Россіи находящихся, или съ выкупомъ; 4) объ отпускѣ въ Россію ежегодно серебра до сорока тысячъ *ямб* (1250 пудовъ) и на нѣсколько тысячъ ланъ шелку въ пряжѣ и сырцу, также разныхъ рѣдкостей и драгоцѣнныхъ камней изъ Государственныхъ хранилищъ, въ замѣнъ Россійскихъ произведеній, какія потребны будутъ; 5) о присылкѣ хорошихъ мастеровъ для строенія каменныхъ мостовъ; 6) о назначеніи для взаимныхъ проѣздовъ водянаго, или какого угодно будетъ пути. Свита Спаѳаріева состояла изъ ста человѣкъ. Въ даръ Богдо-Хану послано было съ нимъ: 5 соколовъ, 400 соболей, лисицъ: 13 черныхъ, 100 сивыхъ, 1000 горностаевъ, 51 аршинъ сукна, столовые часы, зеркало, 25 рыбьихъ зубовъ (не моржовыхъ ли?) 10 нитокъ корольковыхъ (коралловыхъ) четокъ и янтарной ночникъ (?). Спаѳари, по предварительному сношенію, встрѣченъ былъ Китайскими чиновниками на границѣ и послѣ многихъ притязаній и недоумѣній, по докладу Министровъ Китайскихъ и соизволенію Богдо-Хана, препровожденъ былъ въ Пекинъ, куда и прибылъ въ 1676 году, царствованія же Кансія въ 15 лѣто и встрѣченъ былъ дружелюбно; но по причинѣ подозрѣнія Китайцевъ, произведеннаго, по видимому, самимъ Спаѳаріемъ, неосновательными его отвѣтами, касательно привезенной имъ обратно, *невыразумленной* Китайской Грамоты, о возвращеніи изъ Россіи Князя Ганшимура, не имѣлъ почти никакого успѣха въ порученномъ ему дѣлѣ и возвращенъ съ одними только маловажными подарками, состоящими изъ одного сѣдла съ серебряною насѣчкою, серебрянаго съ позолотою сосуда, (дамба) вѣсомъ въ 40 ланъ (23 фунта), одной яндовы, 4 мѣстъ чаю и 15 различныхъ звѣриныхъ кожъ; самому же посланнику, священнику и чиновникамъ его свиты дано по одной Манджурской одеждѣ со всѣми принадлежностями и по нѣсколько концевъ китайки и шелковыхъ тканей.

Свѣдѣнія сіи извлечены мною сокращенно, изъ находящагося у меня въ переводѣ съ Манджурскаго языка, рукописнаго журнала, веденнаго въ Пекинѣ, по случаю пребыванія тамъ посланника Спаѳарія.

(37) О сихъ обоихъ произшествіяхъ не упоминаютъ ни Миллеръ, ни Фишеръ. Если оныя въ самомъ дѣлѣ случились: то не льзя думать, чтобы о таковыхъ довольно важныхъ событіяхъ, не сохранилось свѣдѣнія ни въ одной изъ Сибирскихъ Архивъ, которые для Миллера и Фишера были открыты.

(38) Камбалыкъ, а правильнѣе Ханъ-балыкъ или Ханъ-балгадъ, было старинное Русское названіе Пекина, заимствованное отъ Монголовъ и означающее въ переводѣ Царь-градъ.

(39) Слѣдовательно Миллеръ напрасно утверждалъ (см. Соч. и перев. къ пользѣ и увеселенію 1758, Генварь, стр. 8), что онъ первый сообщилъ извѣстіе о проливѣ, существующемъ между Азіею и Америкою, отыскавъ оное въ 1736 году, въ Якутской Воеводской Канцеляріи.

(40) Всего удобнѣе было бы достигать восточнаго Океана по р. Амуру; но судоходство по оному, какъ увѣряютъ, производится на небольшихъ только и плоскодонныхъ судахъ, подобныхъ разшивамъ, употребляемымъ на Волгѣ, которыя, вѣроятно, при берегахъ его и строятся: ибо Амурской заливъ или лиманъ соединяется съ моремъ столь узкими и мелкими перешейками, что не только корабли, но и таковыя суда, съ трудомъ могутъ чрезъ оные проходить. При томъ же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и особенно ниже устья Шингала, по топкости Амурскихъ береговъ, не возможно тянуть суда бичевою, но должно при попутномъ вѣтрѣ идти подъ парусами.